
31 02/42

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ сочиненію называемому

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка,

или

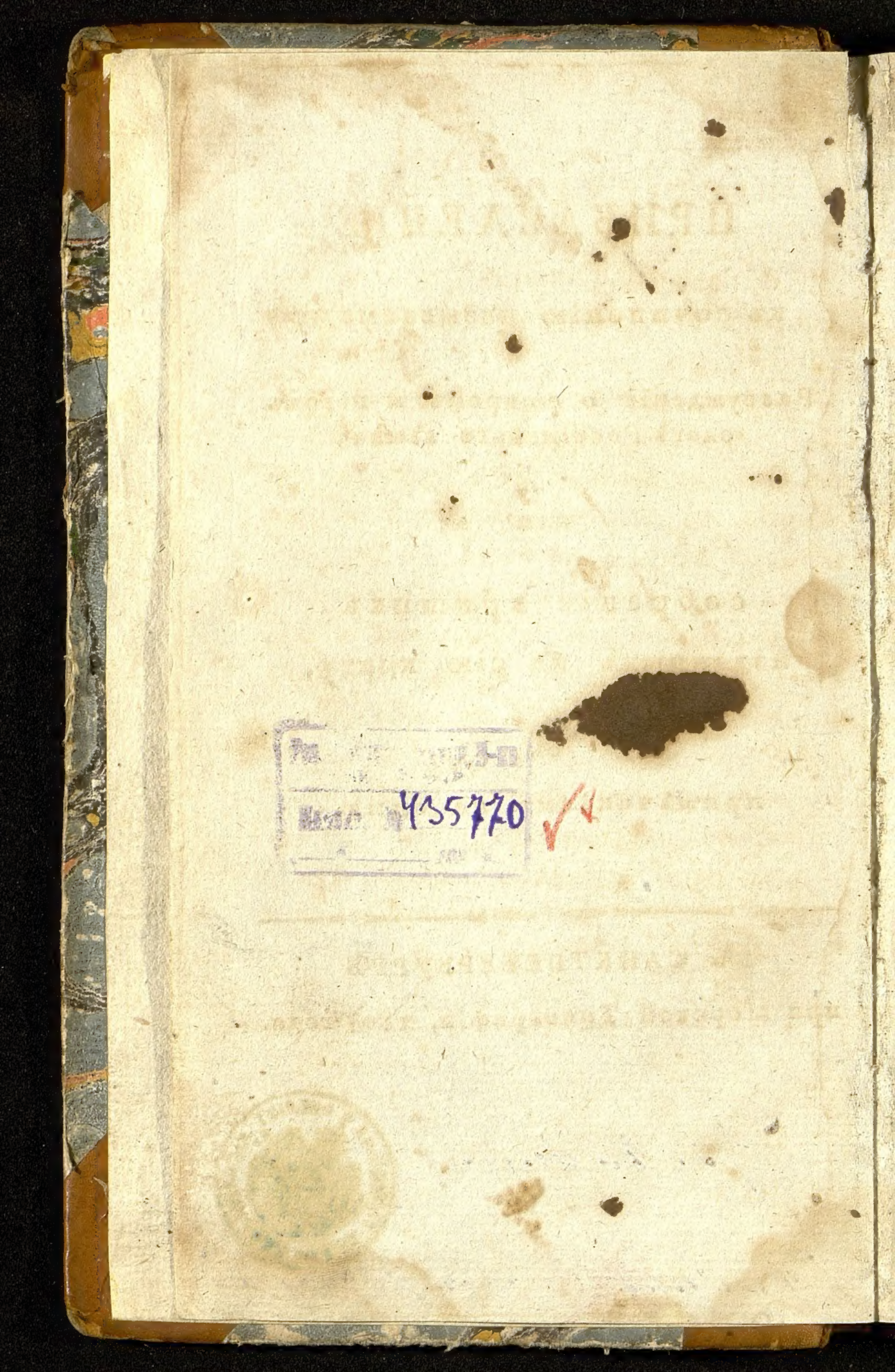
собраніе критикъ изданныхъ на сію книгу,

съ

примѣчаніями на оныя.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Морской Типографіи, 1804 года.

подарена самимъ сочинителемъ

435770

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Я бы не отвѣтствовалъ на изданныя въ журналахъ Сѣверномъ Вѣстникѣ, а особливо Московскомъ Меркуріѣ, противъ книги моей паче злонамѣренныя брани, нежели основанныя на пользѣ словесности сужденія, естьлибъ не надѣялся въ отвѣтахъ моихъ на оныя присовокупить еще нѣчто къ прежнимъ разсужденіямъ моимъ о старомъ и новомъ слогѣ нашего языка. Желаніе быть полезнымъ, а не побужденіе оскорбленнаго самолюбія, которое подобными возраженіями, скорѣе тщеславиться нежели оскорбляться можетъ, суть причиною изданія сей книги.

Pourquoi faut-il que je vous ecrive?...... quelle langue commune pouvons nous parler?

Rousseau.

ПРИМѢЧАНІЯ
на письмо
ДЕРЕВЕНСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Въ новоиздающемся журналѣ подъ названіемъ *сѣвернаго вѣстника*, на страницѣ 17, подъ заглавіемъ *словесность*, напечатано нижеслѣдующее письмо:

КАДОМЪ 30 Ноября 1803.

Письмо отъ неизвѣстнаго.

Милостивые государи!

Извините деревенскаго жителя, которой утруждаетъ васъ своею прозбою помѣстить письмо сіе въ вашемъ журналѣ (*). —Нѣсколько лѣтъ

(*) Естьли письмо сіе дѣйствительно прислано отъ неизвѣстнаго къ издателямъ сего журнала, и естьли журналъ сей издается для пользы словесности, какъ-то всѣ журналы о себѣ говорятъ, то кажется господамъ издателямъ онаго

уже какъ оставилъ я шумную Столицу и живу въ тихомъ уединеніи, провождая лѣтнее и осеннее время съ земледѣльцами, а зимнее въ кабинетѣ передъ каминомъ съ умершими и живыми писателями. Библіотека моя состоитъ, не только изъ иностранныхъ отборныхъ, но и изъ рускихъ книгъ; ибо люблю смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія. Корреспонденты мои немедлѣнно присылаютъ ко мнѣ изъ обѣ-

надлежало бы сказать о немъ что нибудь одобрительное или неодобрительное. Ибо безъ сего всякъ справедливо заключать будетъ, что или сами они письмо сіе сочинили, или когда помѣстили его въ своихъ сочиненіяхъ и ничего о немъ не говорятъ, то слѣдовательно находятъ содержащіяся въ немъ примѣчанія дѣльными и достойными занимать мѣсто въ ихъ журналѣ. Читатель по прочтеніи сихъ примѣчаній моихъ на оное лучше меня усмотритъ какого роду сіе письмо, такого ли чтобъ приносить пользу, или чтобъ только наполнять листки.

ихъ Столицъ всякую книгу, выходящую на свѣтъ. На дняхъ получилъ я отъ нихъ:

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, напечатанное въ С. П. Б. въ Императорской Типографіи 1803 года.

(Здѣсь надлежитъ предъувѣдомить читателя, что продолженіе сего письма, дабы напечатаніе онаго не повторять два раза, раздѣлено на части, изъ которыхъ послѣ каждой слѣдуетъ примѣчаніе на оную. Читая по порядку сіи раздробленія или части выдетъ цѣлое письмо безъ всякаго изключенія).

Письмо. Сочинитель хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нашему нарѣчію.

Примѣчаніе. Господинъ деревенскій житель! Когда кто хочетъ судить чью книгу, то кажется необходимо должно ему напередъ прочитать ее и понять. Вы же, какъ видно, мою или не читали, или худо поняли. Разо-

гните ее, вы вездѣ найдете въ ней подобныя сему разсужденія: „*Простой, средній, и даже высокой слогъ Россійской конечно не долженъ быть точной Славенскій, однако же сей есть истинное основаніе его, безъ котораго онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ* (*) (стран. 72). И въ другомъ мѣстѣ: „*Мнѣніе, что Славенскій языкъ различенъ съ Россійскимъ, и что нынѣ слогъ сей неупотребителенъ, не можетъ служить къ опроверженію моихъ доводовъ: я не то утверждаю, что должно писать точно Славенскимъ слогомъ, но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. И такъ въ немъ упражняться и изъ него почерпать должно искусство краснорѣчія, а не изъ Бонетовъ, Волтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ, и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой*

(*) Въ самомъ дѣлѣ, естьли Славенскій языкъ отдѣлить отъ Россійскаго, то изъ чего же сей послѣдній состоять будетъ? Развѣ изъ одниxъ татарскихъ словъ, какъ-то: *лошадь, кушакъ, каллакъ, сарай,* и проч.; да изъ площадныхъ и низкихъ, какъ-то: *калякать, чечениться, хохлиться,* и тому подобныхъ; да изъ чужестранныхъ, какъ то: *гармонія, элокванція, серіозно, авантажно,* и проч.? Вподлинну, удаляясь отъ Славенскаго языка, краснорѣчіе наше будетъ безподобное!

страницѣ твердятъ, и учась у нихъ Рускому на бредъ похожему языку, съ гордостїю увѣряютъ, что нынѣ образуется токмо прїятность нашего слога." (стран. 92). Вездѣ, говорю, найдете вы въ книгѣ моей подобныя сему разсужденія, сопровождаемыя примѣрами, изъ которыхъ одними показываю я нелѣпой слогъ, въ какой по незнанію языка своего заводитъ насъ невѣжественное подражаніе чужимъ языкамъ; а другими открываю богатство, силу и красоту собственнаго языка своего, къ стыду нашему оставляемаго и пренебрегаемаго нами. И такъ естьли бы вы хотя съ малѣйшимъ вниманіемъ прочитали меня, то могли ли бы сказать: *сочинитель хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нарѣчїю?* Государь мой! показывать красоты природнаго языка своего и обращать къ источникамъ онаго, не есть обращать къ неупотребительному нарѣчію. Конечно худой и не искусный писатель столько же обезобразитъ слогъ свой Славенскимъ не къ стати употребленнымъ языкомъ, сколько и Францускими фразами; но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣтую врать, да только врать не по Французски, а по Славенски? Вы говорите, вамъ *кажется* ето; но вино-

вашъ ли я, когда я говорю то, а вамъ кажется иное?

Пис. Не жалѣя о трудѣ, который столько лѣтъ прилагали наши новѣйшіе писатели къ очищенію своего языка.

Прим. Кто такіе сіи новѣйшіе писатели, и какой трудъ прилагали они къ очищенію языка своего? Я въ книгѣ моей почти всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ привелъ въ примѣръ, и ссылаясь на слогъ ихъ доказывалъ, что они почерпали его изъ книгъ славенскихъ, а не изъ чужестранныхъ сочинителей, у которыхъ многіе нынѣшніе писатели наши, по незнанію собственнаго языка своего, заимствуютъ чуждыя намъ обороты рѣчей. И такъ о какихъ же вы новѣйшихъ писателяхъ говорите, и для чего не потрудились показать намъ примѣры, въ чемъ состоитъ сіе очищеніе языка?

Пис. Признаться, мнѣ весьма странно показалось желаніе его, что бы мы бросили читать книги на нынѣшнемъ рускомъ и другихъ языкахъ, при-

нялись бы за старину, и начали объяснять мысли свои на языкѣ славенскомъ.

Прим. Подобное сему несправедливое укореніе я уже не отъ перваго васъ слышу: нѣкто въ письмѣ своемъ, наполненномъ таковыми же неоспоримыми истинами, какъ и ваше, говоритъ мнѣ: (*). *Я читалъ разсужденїе ваше о старомъ и новомъ слогѣ. Какую странность взяли вы себѣ за предметъ? Видно, что вы человѣкъ безъ всякаго вкусу. Какъ можно хвалить грубое и порочить тонкое? заставлять насъ идти по слѣдамъ предковъ нашихъ съ бородами, и хотѣть, чтобъ просвѣщенныя Нацїи не имѣли никакова надъ нами влїянїя? Знаете ли вы, что вы вздоръ говорите, и что на сценѣ прекрасныхъ буквъ никто не сочтетъ васъ прекраснымъ духомъ? Вы стакъ захотите насъ обуть въ онучи и одѣть въ зипуны! вы смѣшны! вы безъ всякой модификацїи глупой господинъ!* и проч.“ Нѣтъ, государи мои! напрасно одинъ изъ васъ думаетъ, будто я хочу обуть всѣхъ въ онучи и одѣть въ зипуны; а другой будто я не велю читать ни своихъ, ни иностранныхъ книгъ. Со

(*) Читатель можетъ видѣть письмо сіе при концѣ моей книги.

всемъ не похоже на ето! Я въ книгѣ моей, какъ и выше уже сказалъ, многихъ хорошихъ писателей нашихъ привожу въ примѣръ, и указуя на нихъ говорю: вотъ чистой руской слогъ, въ которомъ нѣтъ чужестраннаго состава рѣчей. Будто сіи слова мои значатъ: *не читайте на нынѣшнемъ рускомъ языкѣ книгъ!* Отнюдь нѣтъ. Онѣ значатъ: *сличите сей лучшихъ писателей нашихъ слогъ съ нынѣшнимъ, не давно появившимся, но скоро, на подобіе саранчи расплодившимся, руско-французскимъ слогомъ, и познайте нелѣпость и бредъ сего послѣдняго.* Въ разсужденіи же чужестранной словесности, я самъ нѣкоторые языки знаю, и многихъ писателей на нихъ съ великимъ услажденіемъ читаю; но говорилъ и говорю всегда, что всякой Россіянинъ долженъ отечество свое и отечественный языкъ свой любить и знать гораздо больше, нежели какуюбъ-то ни было чужую землю и чужой языкъ: то ли ето, что я запрещаю читать иностранныя книги? Государи мои! вы обвиняете меня такими мыслями, какихъ у меня въ головѣ никогда не бывало. Етакъ вамъ не мудрено сдѣлать меня невѣждою, когда вы, не понявъ меня, собственныя ваши мысли мнѣ приписывать будете.

Пис. Какъ безпристрастный человѣкъ скажу, что сочинитель справедливо вооружается противъ чрезвычайной привязанности нѣкоторыхъ молодыхъ нашихъ писателей къ французскимъ словамъ и оборотамъ. Неопытность и мода наводнили книги наши безчисленными иностранными выраженіями.

Прим. Вы сами это и чувствуете и не чувствуете, хвалите меня и браните. Недавно сказали вы, *что сидя въ кабинетѣ за рускими книгами любите смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія.* — Разумѣется въ словесности; ибо рѣчь идетъ у насъ о языкѣ, а не о наукахъ или художествахъ. — Теперь говорите, *что книги наши наводнены безчисленными иностранными выраженіями.* Какимъ же образомъ согласить сіе *постепенное возвышеніе* съ симъ *великимъ наводненіемъ*? Я думаю въ сихъ словахъ мало будетъ смысла, когда кто скажетъ: *я люблю смотрѣть на чистоту сего сада, изрытаго кротами и поросшаго терновникомъ и краливою.*

Пис. Таковая, можно сказать, дерзость достойна самой строгой критики. Но строгость худой имѣетъ успѣхъ, если основательность не составляетъ ея подпоры, которой — не къ огорченію автора скажу — не нашелъ я во многихъ мѣстахъ.

Прим. И я не къ огорченію вашему, но для пользы словесности и къ оправданію моему, (хотя противъ подобныхъ возраженій и не имѣю никакой нужды оправдываться), изъ собственныхъ примѣчаній вашихъ доказываю, что вы во многихъ мѣстахъ, можетъ быть поверхностно книгу мою прочитавъ, весьма худо ее поняли. Я бы отъ чистаго сердца былъ вамъ благодаренъ, естьлибъ вы вподлинну показали мнѣ мои погрѣшности; но малость замѣчаній вашихъ на нѣкоторыя мѣста моей *книжки*, какъ вы ее называете, и въ самой малости совершенный въ истиннахъ недостатокъ, препятствуютъ мнѣ съ должною благодарностію наставленія ваши принять и воспользоваться оными.

Пис. Безстыдно было бы думать, что и я не ошибаюся; по крайней

мѣрѣ всякъ властенъ судить о таких предметахъ какъ хочетъ. По сей самой свободѣ помѣщаю здѣсь на нѣкоторыя мѣста сей книжки мои замѣчанія, съ таковыми же побужденіями, какія имѣлъ сочинитель, то есть, чтобъ быть сколько нибудь полезнымъ для любителей Россійской словесности.

Прим. Судить книги хорошо и полезно для словесности; но надобно то, что судишь, прочитать со вниманіемъ, и то, что оговариваешь, оговаривать съ разсудкомъ. А безъ того больше принесешь словесности вреда, чемъ пользы; ибо умножишь число худыхъ сочиненій.

Пис. Авторъ говоритъ на стран. 2: „Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка?“ — Признаюсь, что сія мысль показалась мнѣ

новою. Я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія, которыя ни мало не оскорбили бы нашихъ прадѣдовъ, если бы они жили въ наши времена, и что къ сему принуждаются они утонченіемъ понятій нынѣшнихъ просвѣщенныхъ народовъ и недостаткомъ на нашемъ языкѣ словъ къ выраженію оныхъ.

Прим. Здѣсь, съ позволенія вашего сказать, я со всемъ васъ не понимаю. Подъ словами: *созидать языкъ свой на скудномъ основаніи французскаго языка*, разумѣю я, какъ и вездѣ въ книгѣ моей толкую: *не имѣть достаточнаго свѣденія въ природномъ языкѣ своемъ, и по незнанію силы собственныхъ словъ своихъ, вводить въ него чужестранныя слова, или еще хуже, по подобію чужихъ словъ и выраженій, безразсудно кропать новыя, не свойственныя намъ, имена и глаголы, необходимымъ образомъ вовлекающіе насъ въ то, что мы и всѣ рѣчи свои должны уже располагать по составу рѣчей чужихъ языковъ: слѣдовательно принимая чужое—нелѣпое и скудное, оставлять свое—*

богатое и сильное. Загляните въ книгу мою, вникните хотя нѣсколько въ нее, и скажите, то ли я говорю, или нѣтъ? Чтожъ значитъ возраженіе ваше: *я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія,* и проч.? Сами вы признались прежде, что книги наши наводнены чужеязычіемъ, котораго не токмо прадѣды наши, но и мы, современники, разумѣть не можемъ. Какъ же теперь и предкамъ нашимъ не велите оскорбляться, и писателей нашихъ, заимствующихъ слова и выраженія съ чужихъ языковъ называете лучшими? Я въ книгѣ моей, хотя не всѣхъ, однако многихъ привелъ изъ нихъ въ примѣръ, доказывая изъ сочиненій и переводовъ ихъ совсемъ противное мнѣнію вашему, то есть, что въ слогѣ ихъ отнюдь нѣтъ сего безобразнаго заимствованія. Для чего же и вы изъ вашихъ писателей не привели доказывающихъ мнѣніе ваше примѣровъ? Для чего не объяснили, въ чемъ состоятъ сіи *утонченныя понятія,* о которыхъ вы упоминаете? Для чего не показали недостатка въ языкѣ нашемъ словъ къ выраженію оныхъ? Мнѣ кажется, когда вы принялись о томъ

говоришь, шакъ надлежало бы уже и ясно ето вывести. Или вы придержались пословицѣ: *легче сказать, чемъ доказать*? Государь мой! заимствовашь мысли изъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей весьма хорошо; идти во слѣдъ Гомеру и Виргилію, то есть силу краснорѣчія ихъ соблюдать на своемъ языкѣ, сколько трудно, столько и похвально; никто противъ сего спорить не будетъ; но заимствовать изъ нихъ однѣ токмо слова и выраженія, не смотря на то, свойственны ли онѣ языку нашему или нѣтъ, сколько легко, столько же и худо, потому что сила словъ и выраженій ихъ не составляетъ силы словъ и выраженій нашихъ. Вы тщетно будете противное сему утверждать: никто вамъ въ томъ не повѣритъ.

Пис. Стран. 4. „Ежели французское слово élegance перевесть по руски *чепуха*" — благородный вкусъ! — далѣе: „то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что *погрузили* въ него *всю полную силу* и знаменованіе сего слова!" — Удивительное полно-

вѣсіе! сколько *элегансу* вдругъ вижу я въ сихъ словахъ: *погрузили полную силу* и притомъ *всю* — это весьма щасливо выражаетъ мысль автора.

Прим. Вижу, что господинъ деревенской житель восклицаніями своими: *благородной вкусъ! удивительное полновѣсіе!* хочетъ сказать мнѣ что-то бранное; но не понимаю ни разума сихъ словъ, ниже того, за что онъ меня бранитъ. Съ мнѣніемъ моимъ, *что худые писатели часто французскимъ словомъ élegance называютъ такой слогъ, которой приличнѣе назвать вздоромъ и чепухою,* можно не согласиться; но приписывать ему *благородство или неблагородство* вкуса, съ позволенія сказать, есть нѣкое не вразумительное пустословіе. И что еще страннѣе: господинъ деревенскій житель не давно самъ соглашался со мною въ наводненіи языка нашего чужеязычіемъ, распространяемымъ подъ именемъ элеганса, и теперь бранитъ меня за то, для чего я это говорю! находитъ въ словахъ моихъ какое-то *полновѣсіе,* и въ рѣчи моей: *то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю пол-*

ную силу и знаменованіе сего слова, не знаю для чего не нравится ему выраженіе: *погрузить всю полную силу!* — Охотно бы желалъ я воспользоваться его наставленіями, естьлибъ оныя сколько нибудь были понятны.

Пис. Стран. 7. „Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ, есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности.“ — По етому книги на природномъ языкѣ наставляютъ насъ и въ тѣхъ частяхъ словесности, для которыхъ нѣтъ еще у насъ никакихъ образцовъ?

Прим. Могли ли бы вы сдѣлать мнѣ сей вопросъ, когда бы книгу мою со вниманіемъ прочитали? Вы приводите здѣсь рѣчь мою, начинающуюся словами: *кратко сказать.* Самое сіе начало рѣчи моей показываетъ уже, что оная есть заключеніе изъ предъидущихъ разсужденій моихъ. Какъ же вы, не упоминая ничего о предъидущемъ, дѣлаете вопросъ на послѣдующее? Что могу я вамъ отвѣчать на оной, какъ не то: прочитайте предъидущее? Когда вы противно мнѣ мыслите, такъ надлежало бы вамъ разсужденія

мой своими разсужденiями опровергнуть, а не о томъ вопросъ мнѣ дѣлать, на что я давно уже отвѣчалъ; поелику вездѣ въ книгѣ моей говорю и толкую, что изъ чтенiя иностранныхъ книгъ, не читая никогда своихъ (помните! не читая никогда своихъ), не можемъ мы ни въ какомъ родѣ писанiя на собственномъ языкѣ своемъ прославиться. Мы можемъ изъ Гомера, Виргилiя, Расина, Мильтона, и другихъ иностранныхъ писателей, заимствовать мысли, почерпнуть правила, обогатить понятiя наши; но можемъ ли научиться изъ нихъ краткости и плавности слога, свойственному намъ составу рѣчей, силѣ выраженiй, приличному употребленiю словъ? Положимъ, что вы долговременно упражняясь въ чтенiи великихъ иностранныхъ писателей, прiобрѣли всѣ нужныя въ словесности познанiя; но можете ли вы показать ихъ на языкѣ своемъ, когда худо его знаете? Естьли бы самъ краснорѣчивый творецъ Танкреда и Заиры былъ когда нибудь въ Россiи, и выучась нѣсколько языку нашему захотѣлъ бы разговаривать съ нами наономъ, можетъ быть мы услышали бы отъ него: *мой севодня былъ на руска*

спектакель и видѣлъ играть мой магометъ. И такъ не странно ли, не чудно ли думать и утверждать, что для отличенія себя въ рускомъ слогѣ, надлежитъ не въ языкѣ своемъ упражняться, но смотрѣть на какіе-то *образцы* иностранныхъ писателей? Сперва надлежитъ напитать и обогатить умъ свой знаніемъ языка своего, и потомъ уже примѣняться къ тому, что вы называете *образцами*. Руской обыкновенной портной можетъ по образцу французскаго портнова сшить точно такой кафтанъ; но Руской обыкновенной стихотворецъ не можетъ по образцу Французскаго стихотворца сочинить точно такую же поэму. И такъ, государь мой, я не взирая на вопросъ вашъ говорю и утверждаю, что *чтеніе книгъ на природномъ языкѣ, есть единственный путь ведущій насъ во храмъ словесности.*

Пис. Кажется словесность взята здѣсь нѣсколько въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, нежели какъ надобно.

Стран. 8: „Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія.“ — Развращать людей можно, а языкъ никакъ нельзя; дурные писатели портятъ его.

Прим. Ежели *развращать людей* можно, какъ вы сами утверждаете, то для оправданія моего предъ вами остается мнѣ только попросить васъ, чтобъ вы, когда впредь случится вамъ слова мои толковать, пожаловали получше въ нихъ вразумлялись. *Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія* — Кого? тѣхъ, о которыхъ я выше говорилъ: слѣдовательно людей, а не языка. Безсомнѣнія можно въ книгѣ моей найти погрѣшности, но не такимъ образомъ, какъ вы ихъ ищете.

Пис. Тамъ же: „*Я* уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормщика, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ не преткнуть о камень.“ -- Это правда; молодому человѣку вездѣ нуженъ путеводитель. Но по чему въ чтеніи однихъ французскихъ книгъ?

Прим. Какъ? вамъ и это надобно растолковать? Потому что французской языкъ есть

общій и болѣе всѣхъ у насъ употребительный. Потому что мы почитаемъ себя худо воспитанными, когда не умѣемъ на немъ болтать. Потому что изо ста нашихъ молодыхъ дворянъ четыре или пять человѣкъ разумѣютъ нѣсколько по Англински, по Италіянски, или по Нѣмецки; а семдесятъ или восемдесятъ человѣкъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ французскихъ, не читаютъ. На конецъ потому, что нигдѣ столько нѣтъ ложныхъ, соблазнительныхъ, суемудрыхъ, вредныхъ и заразительныхъ умствованій, какъ во французскихъ книгахъ.

Пис. Книга противная нравственности равно опасна какъ на французскомъ, такъ и на всѣхъ языкахъ.

Прим. Какую вы премудрость сказали! Но книга противная нравственности на Китайскомъ или Халдейскомъ языкѣ много ли въ Россіи развратитъ нравовъ?

Пис. У Французовъ есть вредныя и соблазнительныя книги; но есть онѣ и у Англичанъ, у Нѣмцовъ и другихъ народовъ. — Я уже не стану раз-

дроблять красотъ выраженія: *чистоту нравовъ преткнуть о каменъ.*

Прим. Корабль, идущій по морю, весьма можетъ *претыкаться о каменъ.* И такъ по общимъ правиламъ и понятіямъ, кажется ни въ рѣчи сей, ни въ употребленіи семъ, нѣтъ ничего страннаго. Естьли же по какимъ нибудь особливымъ, вамъ однимъ извѣстнымъ, правиламъ и понятіямъ, находите вы сіе выраженіе худымъ, то жаль, что вы сего *особеннаго* мнѣнія своего не объяснили.

Пис. Стран. 14. ,,Вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнутыми изъ источниковъ онаго красотами, *растлѣваемъ* его не свойственными ему чужестранными рѣчами и выраженіями.“ — *Растлѣвать* языкъ такъ же можно, какъ и *развращать* оный.

Примѣч. Въ книгѣ моей приложенъ маленькой опытъ словаря, гдѣ между прочими словами и слово *растлить* (см. стран. 324) истолковано, въ какихъ смыслахъ оное употребляется. И такъ естьли бы господинъ деревенской житель прочиталъ меня и понялъ, такъ бы онъ и увидѣлъ на какомъ правилѣ основываясь употребилъ я здѣсь глаголъ *растлѣвать.*

Стран. 15. Сочинитель, въ доказательство, какъ Ломоносовъ умѣлъ въ высокомъ слогѣ помѣщать низкія мысли и слова, не унижая ими слога и сохраняя всю важность онаго, приводитъ въ примѣръ слѣдующіе стихи изъ его поэмы ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ:

,,Текущу видя кровь рыкаютъ: *любо! любо!*
,,Пронзеннаго поднявъ гласятъ сіе сугубо.

И стран. 16:

,,О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
,,Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и *жаль*,
,,И для погибели удалыхъ главъ печаль.

Я имѣю уваженіе къ великому нашему лирику; но признаюсь, никогда не думалъ, чтобы сіи стихи были слишкомъ хороши: они всегда казались мнѣ слишкомъ посредственны и я не узнавалъ въ нихъ Ломоносова.

Прим. Здѣсь вы опять, не вразумясь хорошенько въ мысль мою, дѣлаете мнѣ возраженіе не на то, о чемъ я говорилъ, но на то, о чемъ я ни слова не сказалъ. Кто прочитаетъ сіе примѣчаніе ваше, тотъ поду-

маетъ, что я вышепомянутые приведенные вами здѣсь изъ Ломоносова стихи выдаю за самое превосходнѣйшее ума его произведеніе. Ни чего не бывало! Я говорю только, что помѣщенныя въ нихъ мысли и слова, таковыя какъ *рыкать, рыгать, тащить за волосы, подгнѣтъ, удалая голова,* и проч., умѣлъ онъ употреблять въ высокомъ слогѣ, не унижая ими онаго (*). Виноватъ ли я въ

(*) Дѣйствительно главная разность между великими и малыми писателями состоитъ въ томъ, что первые изъ нихъ самыя простыя слова и выраженія умѣютъ такъ прилично употреблять, что возвышаютъ и украшаютъ ими рѣчь свою; другіе напротивъ того не приличнымъ помѣщеніемъ высокихъ и великолѣпныхъ словъ отнимаютъ у нихъ всю важность и обезображиваютъ ими слогъ свой. Часто одинъ писатель тѣмъ самымъ словомъ восхититъ насъ, которымъ другой разсмѣшитъ. Одно глубокое знаніе языка своего можетъ, такъ сказать, уму нашему дать глаза видѣть и различать сіе. Нѣгдѣ случилось мнѣ прочитать касающееся до сего весьма справедливое примѣчаніе на слѣдующіе Корниліевы стихи въ трагедіи его, называемой Отонъ. Дѣйст. 1. Явл. 1.

томъ, что вы одну вещь принимаете за другую? Говорить о приличности помѣщенія словъ, не есть разсуждуть о красотѣ сти-

---

Othon.

Je les voyais tous trois se hâter ſous un maître,
qui chargé d'un long âge a peu de tems à l'être;
et tous trois à l'envie s'empresser ardement
à qui dévorerait ce règne d'un moment.

Волтеръ въ примѣчаніяхъ своихъ на сіи стихи говоритъ:

Corneille n'a jamais fait quatre vers plus forts, plus pleines, plus ſublimes. La beauté de ce vers:

á qui dévorerait ce règne d'un moment, conſiſte dans cette métaphore rapide du mot *dévorer*. Tout autre terme eût été faible: c'eſt là un de ces mots que Déspréaux apellait *trouvés*. Racine eſt plein de ces expressions, dont il a enrichi la langue. Mais qu'arrive-t-il? Bientôt ces termes neufs et originaux, employés par les écrivains les plus médiocres, perdent leur premier éclat qui les diſtingait; ils deviennent familiers; allors les hommes de génie ſont obligés de chercher d'autres expressions, qui ſouvent ne ſont pas ſi heureuſes. C'eſt ce qui produit le ſtile forcé et ſauvage dont nous ſommes inondés. Il en eſt à-peu-près comme des modes: on invente pour une Princeſſe une parure nouvelle, toutes les femmes l'adoptent; on veut enſuite renchérir, et on invente du bizarre plutôt que de l'agréable.

ховъ; ибо легко случиться можетъ, что стихи сами по себѣ не хороши, а нѣкоторыя слова употреблены въ нихъ щастливо и пристойно. И такъ естьли вы не согласны со мною, то надлежало бы вамъ опровергать вышепомянутое мнѣніе мое, а не въ томъ дѣлать мнѣ возраженіе, о чемъ вы еще и мыслей моихъ не знаете. Впрочемъ, хотя я въ книгѣ моей и не входилъ въ разсужденіе о красотѣ сихъ стиховъ, однакожъ весьма далекъ отъ того, чтобъ находить ихъ по вашему *слишкомъ* не хорошими, или *слишкомъ* посредственными. Вы говорите, что не узнаете въ нихъ Ломоносова: никто не снимаетъ съ васъ въ томъ воли; наето есть у насъ руская пословица: *свой умъ царь въ головѣ.*

Пис. Слово *жаль* никто, думаю, не почтетъ иначе какъ за нарѣчіе, которое частію употребляется за безличный глаголъ; а тутъ употреблено оно вмѣсто существительнаго имени: *жалость, сожалѣніе,* и вставлено, какъ видно, для рифмы.

Прим. Можетъ быть, что безличный гла-

голъ или слово *жаль*, употребленное въ семъ стихѣ вмѣсто существительнаго имени *жалость или сожалѣніе*, по подобію слова *печаль или боль*, есть, буде не совершенная погрѣшность, то по крайней мѣрѣ стихотворческая вольность; но во первыхъ, таковая въ одномъ стихѣ вольность, весьма впрочемъ удобопонятная и вразумительная, отнюдь не затмеваетъ смысла другихъ сопряженныхъ съ нимъ стиховъ. Во вторыхъ, когда употребилъ оную Ломоносовъ, котораго стихотворенія не подражаемы и безсмертны, то да позволено мнѣ будетъ въ знаніи языка больше повѣрить ему, нежели господину деревенскому жителю, котораго труды, кромѣ сего состоящаго изъ примѣчаній на мою книгу письма, нѣсколько уступающаго письму Ломоносова о пользѣ стекла, мнѣ совсемъ неизвѣстны.

Пис. Въ прочемъ храбрыхъ, мужественныхъ воиновъ, я не смѣлъ бы назвать *удалыми*. Слово удалый означаетъ у насъ буяна, повѣсу, и значило ли когда нибудь другое что либо, сомнѣваюсь.

Прим. Слово *удалый* такъ различно съ словами *буянъ* и *повѣса*, какъ день съ ночью. Самое коренное знаменованіе онаго ясно то показываетъ: оно происходитъ отъ глагола *удаться*, и заключаетъ въ себѣ мысль: *одинъ удался изъ многихъ*, то есть: отлично смѣлый, предпріимчивый, храбрый. Сіе понятіе весьма далеко отъ того, которое заключается въ словѣ *буянъ*, происходящемъ отъ одного корня съ словами *буйность, буйство*, и проч. Прочитайте старую пѣсню:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про князей и про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу *удалую*.

По вашему толкованію о словѣ *удалый* выдетъ, что Владимиръ угощалъ столомъ своимъ буяновъ и повѣсъ. И такъ, господинъ деревенскій житель, естьли знаменованія многихъ рускихъ, а особливо славенскихъ словъ, не болѣе вамъ извѣстны, какъ знаменованіе сего слова, то вы безсомнѣнія благоразумно сдѣлаете, когда смѣлость свою

въ употребленіи оныхъ соразмѣрять будете силамъ своимъ и знанію въ языкѣ. Отважность тогда токмо бываетъ благоуспѣшна, когда сопровождается искуствомъ. Не всякаго живописца кисть удивитъ насъ тѣми смѣлыми чертами, которымъ удивляемся мы въ Рафаиловой кисти.

Пис. Сверхъ того вообще низкія слова не принадлежатъ къ эпопеи; онѣ унижаютъ важность и достоинство оной.

Прим. Благодарю за поученіе! Но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣтую *въ епопеи* употреблять низкія слова? Долго ли мнѣ будетъ повторять, что вы оговаривая книгу мою почерпаете изъ ней мысли, какихъ въ ней нѣтъ? Я думаю излишно было бы толковать, что низкое слово, помѣщенное прилично, не есть уже тамъ низкое, иначе не было бы оно прилично помѣщено.

Пис. Стран. 22. ,,Таковъ Ломоносовъ въ стихахъ, таковъ же онъ въ переводахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли разумъ его и глубо-

кое знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности и наблюденія ясности въ рѣчахъ. Въ подражаніи своемъ Анакреону говоритъ онъ о Купидонѣ:

,,Онъ чуть лишь ободрился,
,,Каковъ-то, молвилъ, лукъ;
,,Въ дождѣ *чать* повредился,
,,И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

,,Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствовать самомалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и не довольно яснымъ. Въ просторѣчіи обыкновенно вмѣсто *чаять должно*, говорятъ сокращенно: *чай.* Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ, что выдетъ изъ сего двусмысліе глагола *чай* съ именемъ *чай,* то есть, Китайской травы, которую мы по утрамъ пьемъ, и для того сокращая глаголъ *чаять* поставилъ *чать.*"

Доказательство не скажу слабое,

а смѣшное! и не умѣющій читать пойметъ тотчасъ по смыслу пѣсни, что тутъ не означается напитокъ; а знающій Исторію знаетъ также, что во время Анакреона, чаю не только еще не пивали, но онъ былъ и не извѣстенъ; слѣдственно въ дождѣ ему повредиться никакъ нельзя было.

Прим. Господинъ деревенской житель! я говорю о чистотѣ языка, о правилахъ сочиненія и о томъ, что должно избѣгать двусмыслія въ словахъ. Нарочно для сего взялъ я изъ Ломоносова такой примѣръ, въ которомъ бы маловажность погрѣшности наименѣе чувствительна была, для показанія, съ какою тщательностію, даже и въ самыхъ малыхъ вещахъ наблюдалъ онъ чистоту слога. Вамъ показалось это смѣшно, и вы въ доказательство, что *двусмысленной* стихъ *не двусмысленъ*, приводите нѣкую историческую, странную, и уповательно вамъ самимъ худо извѣстную вещь, пивалиль во времена Анакреоновы чай или нѣтъ. Какъ? ежели бы кто сказалъ: *Демосфенъ говоришь*

ритъ, мой етотъ каллакъ, и я бы сталъ утверждать, что рѣчь ета дмусмысленна, то есть неизвѣстно, *присвояетъ ли* себѣ Демосфенъ етотъ калпакъ, или велитъ его *мыть*; а вы бы для рѣшенія, двусмысленна ли рѣчь сія или нѣтъ, велѣли мнѣ справляться по исторіямъ, были ли въ Демосфеново время калпаки, и такіе ли, которые можно было *мыть*! Прекрасное и совсемъ новое для словесныхъ наукъ правило! Подлинно я смѣшонъ послѣ етова!

Пис. Больше думать можно, что Ломоносовъ занялъ сіе слово отъ простолюдиновъ, которые въ его время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, употребляли оное.

Стран. 23. „Подобная сему осмотрительность показываетъ, съ какимъ тщаніемъ старался онъ (Ломоносовъ) наблюдать ясность и чистоту слога.“ А мнѣ кажется, что поставивъ *гать* вмѣсто *гай*, онъ затмилъ смыслъ, потому что частичку *гать* не многіе теперь понимаютъ и она всякаго останавливаетъ.

Прим. Частичка *чать*, точно также какъ и глаголъ *чай*, въ просторѣчіи и нынѣ употребляется. Впрочемъ я единожды на всегда скажу, что дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими показать, что я столько же силенъ въ немъ, какъ и онъ былъ, иначе сбудется пословица; *яицы курицу учатъ*.

Пис. — Къ тому же мысль Автора, что Ломоносовъ всегда старался избѣгать двусмыслія, не всегда оное доказываетъ.

Прим. Сіи слова я худо понимаю. *Мысль моя и не хотѣла того доказывать*, а привелъ я изъ него одинъ примѣръ, для показанія съ какимъ раченіемъ старался онъ наблюдать въ слогѣ чистоту и ясность; трудъ, отъ котораго по видимому вы себя часто освобождаете.

Пис. На прим. на 20 стран. Авторъ приводитъ слѣдующіе стихи:

— „Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
„Тобой всѣхъ полны разговоры,

„Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ;
„Дитя родившихъ вопрошаетъ:
„*Не тая* ли на насъ взираетъ,
„Что матерію всѣ зовутъ?"

Естьли авторъ выше сего утверждаетъ, что Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ двусмысліе въ частичкѣ *гай*, то для чего онъ не почувствовалъ того же и въ сихъ стихахъ? ибо *не тая ли* можно принять за причастіе глагола *таять*.

Прим. Какъ ни убѣдителенъ исторической вашъ примѣръ, что во времена Анакреоновы не пивали чаю, однакожъ не взирая на сію великую истинну ни какъ не можно отрицать, чтобъ въ стихѣ: *въ дождѣ чай повредился*, не было двусмыслія. Худо ли, хорошо ли сдѣлалъ Ломоносовъ, но также и сего опровергнуть нельзя, что онъ двусмысліе сіе чувствовалъ, и для того глаголъ *чай*, дабы кто не принялъ онаго за имя *чай*, или по крайней мѣрѣ не обвинилъ бы его за малое о чистотѣ слога попеченіе, замѣнилъ частицею *чать*. Теперь остается разсмотрѣть, для чего по мнѣнію вашему, не почувствовалъ онъ тогожъ двусмыслія въ

стихѣ: *не тая ли на насъ взираетъ*. Хотя обязанность моя въ томъ единственно состояла, чтобъ показать читателю примѣръ, какимъ образомъ тщательной стихотворецъ или писатель старается соблюдать ясность и чистоту слога, а не въ томъ, чтобъ защищать Ломоносова, которому защищеніе мое столько же мало принесетъ пользы, сколько нападеніе ваше вреда; но если бы и то можно было поставить мнѣ въ вину, для чего не замѣтилъ я каждаго слова въ стихахъ Ломоносова, то и тутъ мудрено мнѣ было укорить его въ нечувствованіи двусмыслія тамъ, гдѣ и самъ я, не только при первомъ чтеніи сего стиха, но даже и теперь, когда устремляю все мое на то вниманіе, не чувствую и не нахожу онаго по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ славенское мѣстоименіе *тая* не можно принять здѣсь за причастіе глагола *таять* потому, что когда возмемъ мы одно изъ нихъ за другое, то въ словахъ сихъ: *тая или таявши на кого взирать*, не будетъ никакова смысла. Во вторыхъ, естьли бы и можно было, оставя ясное и простое понятіе заключающееся въ семъ стихѣ, вывесть изъ

него какую нибудь чрезвычайно натянутую мысль, то и тогда по грамматическому составу рѣчей, недоставало бы полнаго смысла въ сей рѣчи: *не тая ли* (то есть не таючи ли) *на насъ взираетъ, что матерїю всѣ зовутъ?* Чегожъ бы недоставало въ оной? Мѣстоименія, котораго болѣе уже нѣтъ въ ней, поелику оное взято за причастіе. Слѣдовательно для дополненія смысла надлежало бы сіе мѣстоименіе прибавить и сказать: *не тая ли* (то есть не таючи ли) *на насъ взираетъ тая* (то есть та), *что матерїю всѣ зовутъ.* И такъ сколько надобно мучить себя, дабы найти какую нибудь претрудную, не складную мысль въ томъ, что само по себѣ такъ вразумительно и ясно. Можетъ ли сіе назваться двусмысліемъ, и въ одинакихъ ли сей стихъ обстоятельствахъ съ вышеупоминаемымъ стихомъ: *въ дождѣ чай повредился*, гдѣ хотя по смыслу и можно догадаться, что слово *чай* значитъ глаголъ, а не имя Китайской травы, однакожъ безъ употребленія на то особливаго вниманія легко при первомъ воображеніи можно принять одно за другое? Двусмыслія бываютъ двоякаго рода: однѣ такія, въ которыхъ совсѣмъ не возможно добраться, что онѣ значатъ; оныя

свойственны однимъ токмо оракуламъ, и такимъ писателямъ, которые подобно имъ пишутъ. Въ другихъ хотя и можно угадать настоящую мысль, однакожъ съ нѣкоторымъ, смотря по темнотѣ ихъ, бо́льшимъ или ме́ньшимъ напряженіемъ ума. Не брегущіе о ясности слога писатели часто впадаютъ въ первыя изъ нихъ, а въ послѣднія еще и того чаще; рачительные же на противъ того никогда не обезображиваютъ слога своего первыми, и даже отъ послѣднихъ стараются какъ возможно избѣгать. Впрочемъ и самаго величайшаго писателя умъ въ словесности не больше можетъ дѣлать, какъ солнце въ освѣщеніи мѣстъ: оно разливаетъ свѣтъ свой повсюду, и не можетъ быть виновато, когда одному зрѣнію тамъ свѣтло, гдѣ другому темно кажется.

Пис. Утверждая что нибудь, надобно быть увѣрену въ справедливости доказательствъ и осторожну въ выборѣ примѣровъ.

Прим. Государь мой! какъ вы щедры на поученія другимъ: раздаете ихъ расточительною рукою, не оставляя ничего для себя самихъ!

Пис. Стран. 24. Авторъ примѣчаетъ, что наши писатели изъ руских словъ стараются дѣлать не руские. Я согласенъ, что у насъ есть такіе писатели; но чтобъ со временемъ стали писать вмѣсто: настоящее время *настоящность*, вмѣсто времени прошедшаго *прошедшность*; вмѣсто человѣческое жилище по подобію съ голубятнею, *человѣчатня*; вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ телятиною, *березятина*, *дубовятина* и проч. это невѣроятно.

Прим. Господинъ деревенскій житель принимаетъ и выдаетъ меня здѣсь за предсказывающаго съ важностію пророка: я смѣясь надъ словами *будущность*, *насмотренность*, *трогательность*, и тому подобными, говорю, что худые писатели, кропая такимъ образомъ чудесныя и неслыханныя слова, на конецъ дойдутъ до того, что станутъ писать *человѣчатня*, *дубовятина*, и проч.; а онъ принимаетъ шутку мою за важное увѣреніе!

Пис. Спр. 25). „Францускія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводяпъ изъ слова въ слово на руской языкъ; сами произвольно принимаюпъ ихъ въ помъ же смыслѣ изъ Францyской литерапуры въ Россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ пѣмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохраняпъ пожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣюпъ. На прим. influance переводяпъ *влїянїе*, и не смотря на по, что глаголъ *вливать* пребуепъ предлога *въ*, располагаюпъ нововыдуманное слово сіе по французской Граммапикѣ, спавя его по свойспву ихъ языка, съ предлогомъ *на*. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитїе, утончанный, сосредоточить, трогательно, занимательно*, и множество другихъ.“

Я согласенъ съ Авторомъ, что

слово *влїянїе* употребляется у насъ не съ настоящимъ предлогомъ; но не могу согласиться съ нимъ, чтобы *influance* можно было перевести *наитїемъ, наитствованїемъ*. — Славенское *наитїе* означаетъ болѣе *нашествїе*, нежели *влїянїе*. *Наитїе Св. Духа*, хорошо; но *наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *имѣть влїянїе на дѣла*.

Прим. Въ сей рѣчи: *но наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *имѣть влїянїе на дѣла*, пропущенъ союзъ *чемъ*, которой даетъ ей совсемъ иной разумъ. Ежели бы сказано было: но *наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли чемъ *имѣть влїянїе на дѣла*, тогда бы смыслъ былъ ясенъ. Но я подобныхъ мѣстъ не замѣчаю; ибо гдѣ весь домъ построенъ косо и криво, тамъ кривизну одной ступеньки у крыльца примѣчать не должно. И такъ станемъ говорить о другомъ. Господинъ деревенской житель согласенъ со мною, что слово влїянїе употребляется у нас не съ настоящимъ предлогомъ? слѣдовательно употребленїе составляемой симъ образомъ рѣчи о-

суждаетъ или отрицаетъ. Потомъ тотчасъ послѣ сего говоритъ, что лучше сказать: *влїянїе на дѣла*, нежели *наитствованїе на дѣла*. Слѣдовательно употребленіе той же самой рѣчи одобряетъ или утверждаетъ. Отрицаніе и утвержденіе могутъ ли быть вмѣстѣ? Я говорю о словѣ *наитїе* или *наитствованїе*, что оно въ Священныхъ книгахъ часто въ томъ же самомъ смыслѣ употребляется, въ какомъ Французы употребляютъ слово свое influance, и въ доказательство тому привожу слѣдующіе изъ молитвъ примѣры: *сохрани душу мою отъ наитствованїя страстей;* и въ другомъ мѣстѣ: *напастей ты прилоги отгоняеши, и страстей находы, Дѣво.* Говорю, что сіе понятіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ*, такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безумїе имѣетъ влїянїе на его разумъ.* Далѣе привожу еще примѣръ изъ Феофана, которой похваляя правосудное ПЕТРА ВЕЛИКАГО правленіе говоритъ: *кто нынѣ немощенъ и убогъ сый трепещетъ сильныхъ крѣпости, или богатыхъ наважденїя?* Показываю, что тожъ самое слово и въ просторѣчіи употребляется, ибо мы говоримъ: *дьявольское наважденїе.* Изъ всѣхъ сихъ примѣровъ утверждаю (и кажет-

ся кто разумѣетъ руской языкъ, тотъ всякой согласится со мною), что слова: *наитствованіе, находъ, наважденіе,* здѣсь въ приведенныхъ мною примѣрахъ, тожъ самое понятіе означаютъ, какое Французы изображаютъ словомъ *influance.* Подобнымъ образомъ, толкуя знаменованіе глагола *прозябать,* изъ многихъ примѣровъ показалъ я, что оный употреблялся у насъ точно въ такомъ разумѣ, въ какомъ Французы употребляютъ глаголъ свой *développer,* которой переводимъ мы нынѣ новымъ словомъ *развитіе.* Къ чему привелъ я всѣ сіи примѣры? Къ тому, чтобъ показать, что мы не читая книгъ своихъ, и слѣдовательно не вникая въ знаменованія словъ, напрасно жалуемся на недостатокъ оныхъ, или лучше сказать, недостатокъ знанія своего въ языкѣ называемъ недостаткомъ языка, и отъ сего часто бываетъ, что мы вмѣсто изображенія мыслей своихъ коренными словами, по невѣденію о нихъ, считаемъ за необходимую нужду кропать съ французскаго и вводить въ языкъ свой новыя безобразныя слова, которыя по неволѣ принуждаютъ уже насъ и всѣ рѣченія наши располагать не по

свойству нашего, но по свойству ихъ языка. Въ книгѣ моей читатель найдетъ тысячу тому примѣровъ и доказательствъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать, когда меня не понимаютъ, и думаютъ, что довольно меня опровергнуть, когда скажутъ: *наитїе больше значитъ нашествїе, нежели влїянїе.* Да кто противъ етова споритъ? Господинъ деревенской житель, прочитайте со вниманіемъ приведенные выше сего мною примѣры, такъ вы и увидите, что слову *influance* индѣ соотвѣтствуетъ въ нихъ слово наитствованіе, какъ то: *сохрани душу мою отъ наитствованїя страстей (de l'influance de passions)*; индѣ нашествіе или находъ, какъ то: *на него дуръ находитъ*, или: *напастей ты прилоги отгоняеши, и страстей находы, Дѣво*; индѣ наважденіе, *какъ то можно видѣть* въ примѣрѣ изъ Феофана и въ простонародномъ рѣченіи: *дьявольское наважденїе.* И такъ я не о томъ говорю, что слово *influance* должно вездѣ и непремѣнно переводить словомъ *наитствованїе*, а не словомъ *влїянїе*; но о томъ, что сіе послѣднее слово, неизвѣстное намъ прежде, перевели мы точно по разуму французскаго слова *influance*, а не потому, чтобъ вподлинну не доставало у насъ словъ къ изображенію сего понятія, и что

переведя оное съ французскаго принуждены мы уже теперь по неволѣ, то есть силою обычая, употреблять его, по образу состава французскихъ рѣчей, съ несвойственнымъ намъ предлогомъ *на* (*). Подобнымъ образомъ и другія, переводимыя съ французскаго слова, заводятъ насъ въ таковыя же нелѣпости, и отчасу болѣе удаляютъ отъ знанія собственнаго и природнаго языка своего. Вотъ о чемъ я въ книгѣ моей пространно говорилъ, толковалъ, и теперь говорю и толкую. Какъ же господинъ деревенской житель, принимаясь судить ее, ни малѣйше въ нее не вникнулъ, и вмѣсто опровер-

---

(*) Можно сказать: *вліяніе, втеченіе въ дѣла; наліяніе, наитіе на дѣла*, но говорить *вліяніе на дѣла* не сходно ни съ разумомъ ни съ Грамматикою. Слова *наліяніе* и *наитствованіе* или *нашествіе*, взятыя въ иносказательномъ смыслѣ, одинакое или почти одинакое изображаютъ понятіе; ибо *наліяніе* почерпается отъ подобія съ потопомъ отъ воды, а *наитствованіе* отъ подобія съ набѣгомъ отъ непріятелей. Оба сіи приключенія одинакое раждаютъ въ умѣ нашемъ понятіе, то есть: наливаться, натекать, наитствовать, нашествовать.

женія мыслей моихъ своими равносильными доводами, наставляетъ только меня въ знаменованіи тѣхъ словъ, которыхъ знаменованіе могъ онъ видѣть въ приведенныхъ мною примѣрахъ? Такимъ образомъ не судятъ чужихъ сочиненій. Етотъ способъ весьма легокъ. Надлежало бы ему надъ доводами и разсужденіями своими нѣсколько болѣе потрудиться, потому что я надъ моими долго сидѣлъ и думалъ. Со мною случилось, что въ одномъ мѣстѣ, читая при мнѣ книгу мою, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали говорить: для чего не употреблять *вліяніе на*? И когда я просилъ ихъ прочитать напередъ прописанныя въ книгѣ моей доказательства, и притомъ присовокупилъ еще, что ни въ комъ изъ лучшихъ нашихъ писателей не найдемъ мы сего не свойственнаго намъ выраженія, и также нигдѣ не сыщемъ другаго подобнаго состава рѣчи, гдѣ бы глаголъ, соединенный съ предлогомъ *въ*, принималъ къ себѣ частицу *на*, какъ напримѣръ мы не говоримъ: *влить вино на бочку*, *вложить гвоздь на дыру*, *впрячь лошадь на коляску*, и проч., тогда нѣкто изъ нихъ сказалъ: *а по мнѣ что*

хочешь говори, я все таки буду писать вліяніе на разумы. На подобныя сему доказательства какой лучшей можно сдѣлать отвѣтъ, какъ не тотъ, которой нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ сдѣлалъ одному нѣкоторой секты философу, начавшему доказывать ему, что въ мірѣ *нѣтъ движенія.* Мудрецъ, въ доказательство, что *есть движеніе,* не давъ ему докончить рѣчи отворотился отъ него и пошелъ прочь.

Пис. Не знаю по чему не нравятся Автору слова: *развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно,* хотя онѣ не носятъ на себѣ иностраннаго мундира.

Прим. Кажется бы господину деревенскому жителю надлежало здѣсь опровергнуть меня, а не говорить: *не знаю по чему не нравятся Автору сіи слова.* — Нельзя не знать, естьли онъ книгу мою читалъ: я въ ней вездѣ объ етомъ толкую. Онъ говоритъ, *что слова сіи не носятъ на себѣ иностраннаго мундира.* Напротивъ: для того-то онѣ и не нравятся мнѣ, что *носятъ на себѣ иностранной мундиръ* (я бы не употребилъ сего выраженія, естьли бы не долженъ былъ повторять чужія

слова), или лучше сказать, не мундиръ, но сѣрой кафтанъ съ лацканами и обшлагами. Ето еще хуже настоящаго иностраннаго платья.

Пис. Для чего не сказать *развитїе* ума, *утонченный* вкусъ, *сосредоточить* мысли, *трогательная* повѣсть, *занимательная* книга?

Прим. Какимъ образомъ могу я отвѣчать вамъ на етотъ вашъ вопросъ? Когда изъ всѣхъ моихъ доказательствъ и разсужденiй, изъ всѣхъ приведенныхъ въ книгѣ моей примѣровъ, не почувствовали вы странности слога, въ какой заводятъ насъ сiи самыя слова, то какимъ образомъ двумя строками могу я растолковать здѣсь то, чего я четырьмя стами страницъ растолковать вамъ не могъ? Да и то не совсемъ такъ; ибо индѣ вы сами признаетесь, *что неопытность и мода наводнили языкъ нашъ безчисленными иностранными выраженїями, и что таковая можно сказать дерзость достойна самой строгой критики;* а индѣ опять говорите для чего, по причинѣ какова-то *утонченїя понятїй*, не вводить

иностранныхъ выраженій (*), и для чего еще болѣе не наводнять ими книгъ нашихъ? Государь мой! естьли бы вы говорили о карельскомъ или чухонскомъ языкахъ, то можетъ быть согласился бы я съ вами; но какъ вы говорите о славенскомъ или россійскомъ языкѣ, то позвольте мнѣ остаться при моемъ мнѣніи, что тотъ, кто въ немъ искусенъ, всякія и *утончанныя* и *утолщенныя* понятія кратко, сильно, ясно и краснорѣчиво изображать на немъ можетъ.

Пис. Жаль, что Автор не принялъ на себя труда перевести оныя по руски.

Прим. Государь мой! сіи ваши слова надлежало бы мнѣ прейти молчаніемъ; ибо во

(*) Поелику я всѣ свои слова толковать долженъ, то и здѣсь скажу, что подъ названіемъ *иностранныхъ выраженій* разумѣю я всѣ тѣ слова и рѣчи, которыя почерпнуты не изъ собственнаго языка своего, но изъ французскаго; а всѣ *трогательности, утонченности, занимательности, насмотренности, будущности,* и проч. и проч. и проч., почерпнуты изъ него и столько же намъ не свойственны, какъ *бѣгательности, говорительности, умывательности,* и проч.

первыхъ можетъ быть мы съ вами весьма
различно о семъ думаемъ; во вторыхъ, без-
полезны доказательства тамъ, гдѣ ихъ не
выслушивая опровергаютъ. Но какъ вы не
одинъ мой судія, того ради почитаю я за
нужное, естьли не для васъ, то по крайней
мѣрѣ для другихъ читателей моихъ, не от-
рицающихъ мнѣ своего вниманія, нѣсколь-
ко здѣсь объясниться. Поговоримъ сперва
о переводѣ книгъ, а потомъ уже станемъ
разсуждать о переводѣ словъ. Какой пере-
водъ книгъ почитается наилучшимъ? Не
тотъ ли, въ которомъ переводчикъ всѣ ино-
страннаго сочинителя мысли умѣлъ на сво-
емъ языкѣ выразить съ равною силою и
красотою? Слѣдовательно не гонялся за
чужими словами и оборотами рѣчей, но
искалъ своихъ. Рѣчь одного языка, переве-
денная точно по составу рѣчи другаго язы-
ка, рѣдко можетъ быть равносильна по-
длиннику, и часто бываетъ совсемъ не вра-
зумительна. Подражая такимъ рабствен-
нымъ образомъ словамъ и слогу чужестран-
ныхъ писателей, чему мы научаемся? Гово-
рить и думать не по своему. Рускую рѣчь:
онъ сентябремъ смотритъ, не выразитъ францу-
ская рѣчь: *il regarde comme le mois de ſeptembre;* рав-

нымъ образомъ и францускую рѣчь: *un homme de grand air*, не выразитъ руская рѣчь: *человѣкъ большаго воздуха*. Слѣдовательно, дабы умѣть хорошо переводить, нужно знать своихъ словъ пристойность и знаменованіе, своихъ выраженій силу, своего языка красоту. Ничто такъ не научаетъ насъ, какъ сравненіе переводовъ; тотчасъ можно видѣть слабость одного передъ другимъ. Вообще одинъ переводъ можетъ быть хуже другаго; но можетъ также и то быть, что одинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабѣе, а въ иныхъ сильнѣе другаго. Камоенсова Лузіада переведена довольно хорошо на Руской языкъ; подобные переводы можно читать съ пріятностію; однако же при всемъ томъ сличимъ нѣкоторыя изъ той же поэмы мѣста, переведенныя Ломоносовымъ, и разсмотримъ оба сіи перевода.

ПѢСНЬ 8.	ПѢСНЬ 8.
Переводъ взятый изъ Камоенсовой Лузіады.	Переводъ взятый изъ Ломоносовой риторики.
Онъ (Гама посаженный Катуаломъ въ темницу) изъискиваетъ въ умѣ сво-	Онъ устремляется отъ одного намѣренія къ другому, тысячи различныхъ

емъ средствъ къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видитъ опасность и размышляетъ о способахъ. Всего страшится и хочетъ все предъупредить. Подобно какъ видятъ младенца обращающаго въ дѣтской игрѣ своей гладкую сталь или прозрачный кристаль зеркала, ударяемыя солнечными лучами, и наводящаго то на стѣну, то на кровлю дома отражательный блескъ, который, слѣдуя движенію слабой руки его, колеблется.

мыслей объемлютъ его и колеблютъ, духъ его не можетъ установиться. Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вертитъ по своему непостоянному легкомыслію. Отраженные лучи быстро ударяютъ то въ стѣну, то въ кровлю, и чуть успѣютъ они блеснуть на одну вещь, уже устремляются освѣтить другую, и купно отъ ней отскакиваютъ на инное мѣсто, однако и тамъ не останавливаются.

Прочитавъ оба сіи перевода тотчасъ можно видѣть, сколько одинъ изъ нихъ яснѣе и слѣдовательно лучше другаго. Вникнемъ теперь съ подробностію и разберемъ отъ чего сіе произходитъ. Въ первомъ переводѣ сказано: *онъ изыскиваетъ въ умѣ своемъ средствъ*— (хотя глаголъ *искать* и сочиняется иногда съ родительнымъ падежемъ, однако же глаголу *изъискивать* свойственнѣе винительный падежъ: *искать правды, изъискивать правду*. И такъ:

онъ изъискиваетъ средствъ, не правильно, а надлежало бы сказать: *онъ изъискиваетъ средства*) — *къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видитъ опасность* — (послѣ опаснаго тотчасъ опасность: подобное сближеніе одинакихъ словъ раждаетъ нѣкую непріятность въ слогѣ). — *и размышляетъ о способахъ* — (рѣчь сія: *видитъ опасность и размышляетъ о способахъ*, есть точное повтореніе предъидущей рѣчи: *изъискиваетъ средствъ къ освобожденію себя*, и повтореніе недоконченное, ибо можно спросить: о какихъ способахъ размышляетъ? тогда выдетъ еще большее повтореніе: о способахъ къ избавленію своему). — *всего страшится и хощетъ все предупредить. Подобно какъ видятъ младенца обращающаго въ дѣтской игрѣ своей гладкую сталь или прозрачный кристаль зеркала* — (1 е, Къ чему здѣсь не нужное выраженіе сіе: *Подобно какъ видятъ?* тѣмъ паче непріятное, что не давно употребленъ былъ глаголъ *видитъ*. Для чего не просто: *подобнымъ образомъ младенецъ*, и проч.? 2 е, Слово *младенецъ* означаетъ самый первоначальный возрастъ человѣка, а здѣсь уже онъ играетъ зеркальцомъ, слѣдовательно больше *дитя*, нежели *младенецъ*. 3 е, Когда представляются простыя понятія, то и выражать ихъ должно

съ приличною имъ простотою слога; но выраженіе: *обращать въ дѣтской игрѣ своей кристаль зеркала*, есть съ лишкомъ хитросплетенное и далекое отъ естественной простоты заключающейся въ сихъ словахъ: *вертеть или играть зеркальцомъ.* 4 е, *Сталь* и *кристаль* дѣлаютъ непріятную въ прозѣ рифму). — *ударяемыя солнечными лучами, и наводящаго* — (здѣсь союзъ *и* при словѣ *наводящаго* долженъ относиться къ сказанному выше сего слову *обращающаго*, но по связи относится онъ къ слову *ударяемыя*, и слѣдовательно производитъ замѣшательство въ смыслѣ и темноту въ слогѣ). — *то на стѣну, то на кровлю дома, отражательный блескъ* — (Здѣсь слово *отражательный* употреблено не въ томъ знаменованіи, въ какомъ оное пріемлется: *отражательный* собственно значитъ того, который отражаетъ, подобно какъ чувствительный, мучительный, губительный или пагубный, и проч., означаютъ того, который чувствуетъ, мучитъ, губитъ, и проч. Но блескъ здѣсь не есть дѣйствующая, а напротивъ того сама страждущая вещь, и слѣдовательно не можно про него сказать *отражательный* или *отражающій*, но *отраженный*). — *который, послѣдуя движенію слабой руки его, колеблется.* — (Колебаться не есть

переходитъ съ одного мѣста на другое, и потому не выражаетъ того понятія, какое должно имѣть послѣ словъ: *послѣдуя движенію слабой руки его*). — Всѣ сіи погрѣшности и небреженія вмѣстѣ составляютъ темноту слога, тѣмъ вящше открывающуюся, чемъ вняттнѣе и прилѣжнѣе разбираешь. Прочитаемъ Ломоносова, и мы тотчасъ почувствуемъ, какая простота и ясность слогъ его украшаютъ: *Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вертитъ по своему непостоянному легкомыслію. Отраженные лучи быстро ударяютъ то въ стѣну, то въ кровлю, и чуть успѣютъ они блеснуть на одну вещь, уже устремляются освѣтить другую, и купно отъ ней отскакиваютъ на инное мѣсто, однако и тамъ не останавливаются.* — Сіе приличное свойствамъ робенка выраженіе: *вертитъ по своему непостоянному легкомыслію*; сіи пристойные солнечнымъ лучамъ глаголы: *ударяютъ, блещутъ, освѣщаютъ, отскакиваютъ*; и наконецъ сіе съ мѣста на мѣсто перебѣганіе лучей, столь естественное, что кажется глазами видишь оное, и столь быстрое, что мыслію не успѣваешь слѣдовать за ними, тотъ ли простой и бездушной образъ представляютъ понятію моему, какой сіи слова: *по-*

слѣдуя движенію слабой руки, колеблется? Изъ сего единаго примѣра можно уже довольно усмотрѣть, какова тщанія, какова размышленія, какова знанія въ языкѣ своемъ, требуетъ хорошій переводъ книгъ! И такъ когда мы не упражняясь въ собственной своей словесности, не изостря ни ума ни слуха своего въ чувствованіи красотъ оной, и притомъ безъ должнаго прилѣжанія и труда, начнемъ переводить Демосфеновъ, Тацитовъ, Расиновъ, то будутъ ли они на нашемъ языкѣ Расины, Тациты, Демосфены? Когда же знаніе языка своего необходимо нужно для сочиненія и перевода книгъ, то меньше ли нужно оное для изобрѣтенія или приличнаго употребленія словъ? Я нарочно не говорю *для перевода словъ*, потому что выраженіе *переводить книгу* имѣетъ свой опредѣленный смыслъ, но выраженіе *переводить слова* едва заключаетъ ли въ себѣ какой разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ оное? Есть ли то, чтобъ чужаго языка словамъ, изображающимъ какую нибудь мысль, приискивать въ нашемъ языкѣ слова, ту же мысль изображающія, то оное не значитъ переводить слова, но переводить мысль; ибо весьма часто случается, что слова,

употребленныя на одномъ языкѣ для выраженія какой нибудь мысли, тогда-то на другомъ языкѣ и не выразятъ оную, когда будутъ тѣжъ самыя. Напримѣръ мысль заключающуюся въ словахъ: *il a épousé ma cause*, выразимъ ли мы точно тѣми же словами: *онъ женился на моемъ дѣлѣ*? Отнюдь нѣтъ. Мы для выраженія оной должны употребить совсемъ иныя слова, какъ напримѣръ: *онъ за меня вступается, онъ находитъ дѣло мое правымъ*, и проч. И такъ переводить мысль не есть переводить слова, поелику переводъ словъ не составляетъ перевода мысли. Естьли же мы чрезъ выраженіе *переводить слова* разумѣть будемъ: взять какое нибудь иностранное слово отдѣленно отъ рѣчи, напримѣръ *éspace*, и положить, что оное долженствуетъ быть въ рускомъ языкѣ изображаемо, напримѣръ, словомъ *пространство*, то хотя таковое соотвѣтствованіе знаменованія словъ и существуетъ между двумя языками, однакожъ оное не есть такое постоянное, чтобъ не подвержено было ни какимъ измѣненіямъ. Загляните въ хорошіе словари, вы увидите, что часто одному иностранному имени или глаголу соотвѣтствуютъ пять или шесть рускихъ именъ или глаголовъ; и обратно, одному ру-

скому пять или шесть иностранныхъ. Отъ чего сіе? отъ того, что одно и тожъ самое иностранное слово, употребленное въ пяти или шести разныхъ рѣчахъ, при переводѣ оныхъ на нашъ языкъ не иначе выражено быть можетъ, какъ особливымъ рускимъ словомъ. Сіе есть свойство языковъ. Французы говорятъ *espace de lieu*, и мы можемъ сказать: *пространство мѣста*, какъ то: *пространство сей площади содержитъ въ себѣ пять сотъ квадратныхъ саженъ*. Но Французы говорятъ также: *espace de tems*; можемъ ли мы сказать: *пространство времени?* Нѣтъ. По французски это хорошо, а по нашему совсемъ непонятно; мы говоримъ: *разстояніе времени*, какъ то: *разстояніе времени между началомъ первой и концомъ шестидесятой минуты называется часъ*. Французы говорятъ: *l'étendue d'un corps*: какъ переведемъ мы сіе? *протяженіе тѣла*. Хорошо. Но вездѣ ли можемъ мы *l'étendue* переводить *протяженіемъ?* Нѣтъ. Французы говорятъ: *l'étendue d'un jour*, у нихъ это принято и общимъ употребленіемъ утверждено, а у насъ смѣшно бы было вмѣсто *долгота дня* сказать *протяженіе дня*. Французы говорятъ *composer*, по нашему, смотря по составу рѣчи, иногда значитъ это *составить*, иногда *сочинить*,

иногда *сощитаться*, иногда *договариваться*, и пр. Они скажутъ *décompoſer*, а мы не можемъ сказать *разсоставить*. Намъ для выраженія сего понятія надлежитъ искать другаго, собственнаго своего слова. И такъ чтожъ значитъ переводъ словъ? Естьли пріискиваніе выраженій, то для сего нужно знать свой языкъ и силу собственныхъ своихъ словъ; естьли же простое преложеніе чужестранныхъ названій и принятіе оныхъ точно въ тѣхъ знаменованіяхъ, какія онѣ на своихъ языкахъ имѣютъ, не соображаясь со свойствами нашего языка, то таковый переводъ не требуетъ конечно ни трудныхъ умствованій, ни глубокихъ знаній, но за то вмѣсто мнимаго обогащенія чрезвычайно портитъ языкъ нашъ. Тщетно будемъ мы надѣяться, что общее и долговременное употребленіе пріучитъ насъ къ симъ новостямъ, наводняющимъ нынѣ книги наши. Не правда: нелѣпое и безразсудное всегда останется нелѣпымъ и безразсуднымъ. Положимъ напримѣръ, что мы нашедъ во французскихъ книгахъ слово *coup-d'œil* переведемъ его точно по знаменованію онаго *ударъ глаза*: то ли оно будетъ значить, или по крайней мѣрѣ можетъ ли со временемъ, когда всѣ начнутъ

употреблять оное (*), сдѣлаться столькже знаменательно въ нашемъ, какъ во французскомъ языкѣ? Отнюдь нѣтъ; ибо свойство языковъ есть таково, что знаки или слова въ нихъ заимствуютъ силу знаменовенія своего отъ другихъ словъ, и притомъ на одномъ языкѣ такимъ, а на другомъ инымъ образомъ. Для чего французскому выраженію *coup-d'œil* наше выраженіе *ударъ глаза* не можетъ никогда быть равносильно? Для того, что у нихъ слово *coup* входитъ въ составленіе многихъ другихъ словъ, и потому кругъ знаменованія его есть совсемъ не тотъ, какой имѣетъ наше слово *ударъ*, или иначе сказать ихъ понятіе совсемъ инымъ образомъ приучено къ слову *coup*, нежели наше къ слову *ударъ*. Они напримѣръ говорятъ *coup de canon*, а мы говоримъ *пушечный выстрѣлъ*, а не *ударъ пушки*; они говорятъ *coup de filet*, а мы говоримъ *тоня*, а не *ударъ невода*; они говорятъ *beaucoup*, а мы говоримъ *много*, а не *красоударъ*. Наконецъ сколько различныхъ понятій изображаетъ у нихъ слово

(*) Сіе предположеніе сказано для одного примѣра; впрочемъ оное невозможно: ибо между всѣми найдутся много такихъ, которымъ разумъ не позволитъ употреблять противное разуму.

coup: coup de malheur, coup de hasard, coup de grace, coup de vent, coup de soleil, apres coup, pour le coup, tout-à-coup, à coup sur, и проч. Слѣдовательно у нихъ выраженіе *coup d'œil* весьма знаменательно; ибо премножество другихъ выраженій изъ сегожъ самаго слова составлены, и потому, такъ сказать, ухо ихъ привыкло слышать, и разумъ ихъ привыкъ мгновенно воображать всѣ сіи изображаемыя ими различныя понятія. У насъ на противъ слово *ударъ* ни единаго изъ сихъ понятій не составляетъ, а потому и *ударъ глаза* есть для насъ нѣкое дикое и непонятное выраженіе. Возмемъ теперь противный сему примѣръ: Россійскій глаголъ *двигать* изображается французскимъ глаголомъ *mouvoir*; но послѣдуемъ различнымъ перемѣнамъ сихъ двухъ глаголовъ, и мы увидимъ, что наши понятія, происходящія отъ глагола *двигать*, дѣлаются весьма отдаленными отъ французскихъ понятій, проистекающихъ отъ глагола *mouvoir*. И такъ хотя корни одинаковы, но произрастающія отъ нихъ вѣтьви различны. Наше слово *подвигъ* происходитъ отъ глагола *двигать*, но соотвѣтствующее оному французское слово *exploit* не происходитъ отъ глагола *mouvoir*. Сіе рязличіе вѣтвей часто и самому корню со-

общаетъ совсемъ иную силу, такъ что индѣ французской глаголъ *mouvoir* не можетъ уже выражать того, что выражаетъ нашъ глаголъ *двигать*, какъ напримѣръ въ житіи Святой Софіи, мать сія, видя двухъ дочерей своихъ убіенныхъ мучителями, и послѣднюю на убіеніе ведомую, во ободреніе говоритъ ей: *третія вѣтве моя, чадо мое вселюбезное, подвигнися до конца, добрымъ бо путемъ идеши*, и проч. Здѣсь глаголъ *подвигнися* не значитъ *подвинься, перемѣни мѣсто;* но значитъ *терпи, мужайся:* слѣдовательно заимствуетъ знаменованіе свое отъ имени *подвигъ*, а не отъ глагола *двигать*.

Чтожъ заключить изъ сего должно? То, что мы о своихъ словахъ умствовать, своихъ словъ силу познавать должны, а не французскихъ. Хотя въ книгѣ моей много толковалъ я о семъ, однакожъ посмотримъ еще въ какія заблужденія и погрѣшности вводитъ насъ умствованіе о чужихъ словахъ, а не о своихъ. Во многихъ нынѣшнихъ переводахъ и сочиненіяхъ, между прочимъ и въ сихъ вашихъ, господинъ деревенской житель, на мою книгу примѣчаніяхъ, нахожу я выраженіе: *утонченныя понятія.* Скажите пожалуйте, что значитъ оное?

Отколѣ вы взяли глаголъ *утончить* или *утонить?* (я истинно не знаю, какъ надлежитъ написать оный). Мнѣ кажется отъ прилагательнаго имени *тонкой* произвесть глаголъ *утончить* столь же не свойственно, какъ изъ прилагательнаго имени *высокой* сдѣлать глаголъ *увысочить*. Безсомнѣнія не могли вы взять сего изъ прежнихъ нашихъ книгъ: слѣдовательно взяли изъ французскихъ; то есть перевели слово *raffinement*. Но государь мой! французское слово *fine* не всегда значитъ по руски *тонко*: *herbes fines*, по нашему *мелкія* травы, а не *тонкія*; *or fin* по нашему *чистое* золото, а не *тонкое*. Слѣдовательно и *raffinement* не есть *утонченіе* или *утоненіе*. Ежели вы рускимъ словамъ станете давать не собственное ихъ, но французское знаменованіе, то какимъ образомъ могу я васъ разумѣть? Французское выраженіе *raffinement des idées* означаетъ *чистоту понятій, просвѣщеніе оныхъ, разгнаніе помрачавшей ихъ мглы*. То ли значитъ наше страннымъ образомъ составленное слово *утонченіе*? Подъ названіемъ понятій *утонченными*, что иное по разуму слова сего могу я понимать, какъ не то, что оныя сдѣлались гораздо *тонѣе, хуже,*

меньше, такъ какъ бы по французски вмѣсто *raffinement des idées* сказать *appauvrissement*, *amaigrissement des idees*? Вы думаете, что такимъ образомъ можно переводить слова? Нѣтъ, государь мой! такимъ образомъ, пріемля одинъ пустой *звукъ словъ* за мнимую въ нихъ *мысль и разумъ*, станете вы намъ выдавать зайцовъ за медвѣдей: ето не называется *переводить*. Часто хотя не въ книгахъ, однако въ разговорахъ, Французскую рѣчь: *il n'est pas dans son assiette*, переводятъ у насъ: *онъ не въ своей тарелкѣ*, не зная того, что ежели бы Французы подъ словомъ *assiette* разумѣли здѣсь *тарелку*, такъ никогда бы рѣчь сія имъ въ голову не пришла, потому что оная не составляла бы никакой мысли. Хотя *тарелку* и называютъ они *assiette*, однакожъ *assiette* есть также у нихъ и морское названіе, которое значитъ *разность углубленія между носомъ и кормою корабля*. На нашемъ морскомъ языкѣ разность сію называютъ *деферентомъ*. Примѣчается что каждый корабль при разныхъ деферентахъ, какіе оному дать можно, имѣетъ одинъ такой, при которомъ онъ лучше и скорѣе ходитъ. Отсюду по подобію съ кораблемъ говорится и о человѣкѣ: *il n'est pas dans son assiette*, *онъ не въ своемъ деферентѣ*, то

есть: какъ корабль не при томъ углубленіи носа съ кормою, какое свойственно образу его, ходитъ лѣниво и медлѣнно, такъ и человѣкъ не въ томъ расположеніи духа, какой наиболѣе сроденъ ему, обыкновенно бываетъ вялъ, не веселъ, задумчивъ. И такъ въ словахъ: *онъ не въ своемъ углубленіи или деферентѣ*, есть мысль и подобіе; но въ словахъ: *онъ не въ своей тарелкѣ*, нѣтъ никакаго подобія ни мысли. Для чего привелъ я примѣръ сей? для того, чтобъ показать, что мы часто не зная ни французскаго, ни своего языка силы, переводимъ слова и рѣчи, и, составляя такимъ образомъ новыя, никому непонятныя выраженія, думаемъ, что мы обогащаемъ ими словесность нашу. Скажутъ, что я помѣстилъ здѣсь больше шуточной нежели настоящей переводъ. Знаю. Но многіе настоящіе переводы съ симъ шуточнымъ великое имѣютъ сходство: *утонченныя понятія, рисующіеся поля, сосредоточенныя мысли, живописательныя горы, картинныя виды, изящныя обдуманности, развитія умовъ, двиганія духовъ*, и всѣ подобныя симъ выраженія весьма похожи на переводъ: *онъ не въ своей тарелкѣ.*

Таковые переводы недостойны ника-

кова вниманія, и еще меньше подражанія онымъ. Они паче достойны осмѣянія, не для того, чтобъ одурачить переводчика; но для того, чтобъ молодые читатели слогомъ его не заражались. Естьли бы кто переводя книгу выписалъ изъ ней неизвѣстныя ему слова, и единожды справясь объ нихъ, сталъ бы вездѣ, во всякой рѣчи, противъ одинакаго чужестраннаго слова одинакое руское названіе ставить, какъ вы думаете, хорошъ ли бы переводъ его былъ? По моему онъ бы никуда негодился. Къ чему же служитъ намъ переводъ словъ? Я думаю не такимъ образомъ должно ихъ переводить. Вы спросите какимъ же? Вотъ какимъ: вамъ встрѣтилось, наприкладъ, слово *administration*. Есть ли вы спросите у меня: какъ перевесть оное? Отвѣтъ мой будетъ: не знаю; покажите мнѣ напередъ ту рѣчь или выраженіе, въ которой слово сіе употреблено, и тогда вразумясь въ оную скажу я вамъ, какое изъ рускихъ словъ почитаю я приличнѣйшимъ для выраженія сего чужестраннаго слова; ибо слова сіи могутъ быть весьма различны, иногда *правленіе*, какъ напримѣръ: *administration des affaires*, *правленіе*

дѣлъ; иногда *священнодѣйствіе,* какъ напримѣръ *administration des sacremens;* иногда *домостроеніе* или просто *строеніе,* какъ напримѣръ: *quand on m' aura oté mon administration* — *егда отставленъ буду отъ строенія* дому. (Еванг. отъ Луки. гл. 16). Наконецъ найдутся можетъ быть еще и другія выраженія, въ которыхъ изъ трехъ вышеприведенныхъ мною словъ ни одно не будетъ такъ прилично, какъ четвертое какое, или пятое. *Trompeuse,* напримѣръ, всякой переведетъ *обманчивый;* но Ломоносовъ, зная силу языка своего, перевелъ *прелестный,* и весьма хорошо:

Jousques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons-nous tes autels?

—

Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой намъ безчестной
Твой тщетной почитать олтарь?

—

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ сего перевода (*) для показанія, гонялся ли пе-

(*) Смотри въ сочиненіяхъ Ломоносова переведенную имъ на Россійской языкъ *оду на щастіе,* сочиненную господиномъ Руссо.

реводчикъ за словами, или старался изобразить мысль.

Et toujours ſes fausses maximes
Erigent en héros ſublimes
Tes plus coupables favoris.

—

Его неправедны уставы
На верьхъ возводятъ пышной славы
Твоихъ любимцевъ злобной родъ.

—

Ломоносову слова: *héros*, *ſublime*, не были здѣсь камнемъ претыканія. Онъ не останавливался за тѣмъ, какъ перевесть ихъ, но будучи силенъ въ изворотахъ языка своего старался наилучшимъ образомъ преложить мысль.

Mais de quelque ſuperbe titre,
Dont ces héros ſoient revêtus,
Prenons la raiſon pour arbitre
Et cherchons en eux leur vertus.

—

Но пусть великостію сею
О титлахъ хвалятся своихъ;
Поставимъ разумъ въ томъ судьею,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.

—

Похожъ ли французской стихъ: *dont ces héros ſoient revêtus*, на руской: *о титлахъ хва-*

лятся своихъ? Но между тѣмъ вообще мысль подлинника вездѣ въ переводѣ сохранена.

Leur gloire feconde en ruines,
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sçauroit-elle subsister?

—

Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устоять?

—

Расположеніе французскихъ стиховъ по руски дѣлаетъ, что глаголы *subsister* и *устоять* имѣютъ здѣсь одинакую силу; но впрочемъ говоря особенно о глаголѣ *subsister*, кто скажетъ, что соотвѣтствующее оному на рускомъ языкѣ слово есть глаголъ *устоять*? Чтожъ значитъ переводъ словъ?

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что безъ знанія языка своего и безъ прилѣжнаго въ немъ упражненія, не будемъ мы умѣть переводить ни книгъ, ни словъ. И такъ паки обращаюсь къ тому, о чемъ я въ сочиненіи моемъ *о старомъ и новомъ слогѣ* такъ много твердилъ, что учиться языку своему и словесности своей должно изъ собственныхъ своихъ книгъ, а не изъ французскихъ. Мнѣніе, что языкъ нашъ бѣденъ, и что не-

достаетъ въ немъ словъ для выраженія *утончанныхъ понятій*, есть ложное. Оно поселилось въ насъ отъ пристрастія нашего къ французскому языку и отъ незнанія чрезъ то своего собственнаго. Доколѣ дѣтямъ нашимъ настоящіе *батюшки* будутъ Французы (*); доколѣ не перестанемъ мы утѣшаться, что маленькой сынъ нашъ, не зная руской азбуки, умѣетъ уже наизусть читать цѣлые монологи изъ французскихъ трагедій; доколѣ дочери наши будутъ думать, что скорѣе могутъ онѣ выйти за мужъ безъ приданова, чемъ безъ французскаго языка; доколѣ племянники и внуки, племянницы и внучки наши, говоря съ стариками дѣдушками своими, вмѣсто: *позвольте мнѣ, дѣдушка сударь, съѣздить къ сестрицѣ*, говорить станутъ: *пустите меня монъ гранъ перъ къ моей*

(*) Между учителемъ и воспитателемъ есть великое различіе; одинъ обогащаетъ умъ нашъ науками, а другой вливаетъ въ сердце наше свои страсти, свои мнѣнія, свои понятія, свои склонности; однимъ словомъ, созидаетъ въ насъ душу и нравъ. Между правами учителя и правами отца есть превеликая разность, но между правами воспитателя и правами отца почти нѣтъ никакой.

кузинѣ; доколѣ писатели наши такимъ же, или подобнымъ сему полурускимъ складомъ писать будутъ; — до тѣхъ поръ коренной и богатой языкъ нашъ отчасу болѣе будетъ оскудѣвать или дѣлаться мертвымъ, а новая непонятная гиль на мѣсто онаго возрастать и умножаться. Когда изъ тысячи писателей девять сотъ пятдесятъ будетъ вралей, тогда изо ста тысячь читателей девяносто пять тысячь будутъ невѣждъ. Читайте больше собственныя свои книги, нежели чужестранныя (*), привыкните объясняться своимъ языкомъ, и тогда вы увидите, что онъ изобиленъ и богатъ. Познавъ красоту его и силу, вы бросите французской языкъ, такъ какъ дитя бросаетъ любимую свою деревянную игрушку, когда покажутъ ему такую же золотую. Напримѣръ: вы говорите въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова *patriote*; но скажите естьли во Французскомъ языкѣ понятіе равносильное тому, какое

(*) Разумѣется писанныя прямымъ рускимъ языкомъ, а не тѣ, которыя нынѣ по складу французскаго языка пишутся: сіи причисляю я къ иностраннымъ книгамъ. Впрочемъ не худо иногда и ихъ прочитать, дабы при *черномъ* яснѣе увидѣть *бѣлое*.

заключается въ нашемъ выраженіи: *сынъ отечества*? мы не можемъ выразить ихъ слова *héroisme*; но могутъ ли они выразить наше слово: *добледушіе*? У насъ нѣтъ слова *faisone*; но есть ли у нихъ слово: *погода*? Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы тысячи. Чтожъ изъ сего заключить должно? то, что мы отъ того токмо чувствуемъ бѣдность языка своего, что не вникаемъ въ него, не знаемъ богатства онаго, точно такъ, какъ бы кто, имѣя у себя тысячу имперіаловъ, щиталъ себя нищимъ для того, что у него нѣтъ ни одного люйдора.

Мы конечно имѣемъ еще нѣкоторую нужду въ иностранныхъ названіяхъ; но въ какихъ? въ тѣхъ, которыя стариннымъ нашимъ писателямъ не могли быть извѣстны, и которыхъ мы нигдѣ въ книгахъ нашихъ находить не можемъ. Сіи слова суть имена нѣкоторыхъ наукъ, художествъ, орудій, и проч. Таковыя слова называются особливымъ именемъ: *художественныя названія* или *техническіе термины*. Такимъ образомъ мы говоримъ и пишемъ: *астрономія, геометрія, физика, центръ, перпендикуляръ, пистолетъ, экшпантонъ*, и проч. Изъ сихъ словъ

нѣкоторыя необходимо нужны, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда не изобрѣтены будутъ соотвѣтствующія имъ Россійскія названія, которыя примутся въ нашъ языкъ и чрезъ частое употребленіе ихъ кругъ знаменованія оныхъ опредѣлится. Напримѣръ *механику, бомбу*, мы не можемъ иначе называть, какъ *механикою, бомбою*. Другія же изъ сихъ словъ, хотя и употребляются еще, однако же безъ всякой нужды, потому что уже пріисканы соотвѣтствующія имъ Россійскія названія столь же знаменательныя; какъ напримѣръ никакой нѣтъ надобности вмѣсто мореплаванія употреблять *навигація*; вмѣсто кораблестроенія *корабельная архитектура*; вмѣсто отвѣсъ, *перпендикуляръ*; ибо хотя слово *отвѣсъ* и не въ такомъ еще употребленіи, въ какомъ слово *перпендикуляръ*, однакожъ оно совершенно ему равнозначуще, и притомъ гораздо короче. Что же препятствуетъ общему употребленію сего россійскаго слова вмѣсто онаго иностраннаго? Ничто кромѣ школьной привычки превозмогающей здравое разсужденіе: учитель мой натвердилъ мнѣ *перпендикуляръ*, въ книгахъ почти вездѣ читаю я *перпендикуляръ*, това-

рицы мои говорятъ мнѣ *перпендикуляръ*; бѣдной *отвѣсъ* остается въ забвеніи, рѣдко кто упомянетъ о немъ; вотъ причина, по которой всѣ мы говоримъ и пишемъ *перпендикуляръ*, не разсуждая о томъ, что ежели бы всѣ стали писать *отвѣсъ*, то слово *перпендикуляръ* вышло бы изъ употребленія, а слово *отвѣсъ* получило бы всю силу и ясность онаго. При началѣ обученія въ Россіи математическихъ наукъ, кругъ назывался *циркулемъ*, окружность *циркумференціею*; нынѣ весьма бы странно и смѣшно было, естьли бы кто вмѣсто *окружность круга* сталъ писать *циркумференція циркуля*. Разсужденіе сіе можно распространить и на другія многія слова. Напримѣръ: какъ называется по руски астрономія? — звѣздочетство. Геометрія? — землемѣріе. Физика? — естествословіе. Для чего не употребляемъ мы рускихъ названій? — для того, что привыкли къ иностраннымъ. Отъ чего привыкли? — отъ частаго употребленія оныхъ. Слѣдовательно и къ рускимъ привыкнемъ, когда часто употреблять ихъ будемъ.

Изъ сего явствуетъ, что и въ самыхъ художественныхъ названіяхъ болѣе навыкъ,

нежели нужда заставляетъ насъ употреблять иностранныя слова. И такъ по моему мнѣнію кто желаетъ дѣйствительную пользу приносить языку своему, тотъ всякаго рода чужестранныя слова не иначе употреблять долженъ, какъ по самой необходимой нуждѣ, не предпочитая ихъ никогда Россійскимъ названіямъ тамъ, гдѣ какъ чужое такъ и свое названіе съ равною ясностію употреблены быть могутъ.

Пис. Конечно выдетъ чепуха, естьли слова сіи не у мѣста употребляются.

Прим. Исковерканныя, безобразныя, мнимо рускія слова, вводимыя писателями, незнающими языка своего, и подобными имъ подражателями ихъ, никогда не могутъ быть у мѣста.

Пис. Стран. 37 и 38. Съ какою замысловатостію доказано посредствомъ круговъ, что у насъ есть слова, которыя могутъ выражать иностранныя, и такія, которыя никакъ

не могутъ быть равнозначущи съ иностранными!

Прим. Господинъ деревенской житель! большой замысловатости тутъ нѣтъ, и не первой я его выдумалъ: Эйлеръ въ физическихъ письмахъ своихъ къ нѣкоторой нѣмецкой Принцессѣ, которыя такъ прекрасно переведены на Россійской языкъ господиномъ Румовскимъ, логическія понятія изъясняетъ также кругами. Я употребилъ ихъ для лучшаго истолкованія моихъ мыслей, и доказательно, что въ сихъ способахъ имѣлъ я нужду, поелику и при оныхъ вы меня почти вездѣ худо поняли.

Пис. Стран. 42. Толкованіе Французскаго слова ésprit очень полезно для всякаго — ученика. Кто хотя не много обучался Логикѣ и имѣетъ здравый разсудокъ, тотъ не переведетъ: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*, или *Тусентъ былъ великій запахъ между Неграми.*

Прим. Вездѣ вы, дѣлая выписку изъ моей книги, слова мои толкуете по своему, и

даете имъ такой смыслъ, какова онѣ въ себѣ отнюдь не имѣютъ. Я въ книгѣ моей говорю, что нѣгдѣ случилось мнѣ прочитать: *Тусентъ былъ великой духъ между неграми*, и разсматривая во всѣхъ знаменованіяхъ слово *духъ*, которое иногда и *запахъ* значитъ, вывожу, что въ вышесказанной рѣчи оно ни единаго изъ сихъ знаменованій не имѣетъ, доказывая тѣмъ, какъ и многажды о томъ говорилъ, что незнающіе языка своего писатели часто рускія слова употребляютъ въ знаменованіи французскихъ словъ, какъ и здѣсь слово *духъ* поставлено въ знаменованіи французскаго слова *esprit*. Утверждаю ли я симъ, что многіе *знающіе логику и имѣющіе здравый разсудокъ* люди переводятъ: *Тусентъ былъ великой запахъ между неграми?* покажите мнѣ, гдѣ я етакую нелѣпицу сказалъ? Господинъ судья! простительно ли, позволительно ли такимъ образомъ судить! Какъ возможно клепать на книгу? Вѣдь ета книга напечатана: всякой посмотритъ, всякой увидитъ, что въ ней ни крошечки нѣтъ того, что вы на нее взводите! Вы говорите: *толкованіе французскаго слова esprit очень полезно для всякаго — ученика.* Не знаю полезно ли оно

для всякаго — *ученика*; но смѣло могу сказать, что оно для тѣхъ *учениковъ*, которые поймутъ его, гораздо будетъ полезнѣе, нежели для тѣхъ *судей* и *учителей*, которые его не понимаютъ.

Пис. Стран. 164. Авторъ въ примѣчаніи своемъ говоритъ: „Находя въ книгахъ нашихъ подобныя сему чужестранныя слова, надлежитъ весьма осторожно читать ихъ, чтобъ не смѣшать съ тѣми рускими словами, которыя выговоромъ на нихъ похожи; напримѣръ, чтобъ вмѣсто *Геній* не сказать Евгеній; вмѣсто *моральный* маральный; вмѣсто *на сценѣ* — такое слово, которое лучше предоставить угадывать читателю, нежели здѣсь его поставить.“ — Тонкой, нѣжной вкусъ!

Прим. Государь мой! это правда: можетъ быть съ нѣкоторою излишнею колкостію осмѣиваю я здѣсь пристрастіе писателей нашихъ къ французскимъ словамъ. Любовь къ отечественному языку моему страждетъ

во мнѣ, когда я вижу изъявляемое къ оному презрѣніе, и часто печаль смѣшенная съ досадою стекаютъ съ пера моего, когда я говоритъ о семъ начинаю. Можетъ быть вы, будучи холоднѣе и равнодушнѣе меня къ етому, могли бы въ подобныхъ случаяхъ воздерживаться отъ изліянія вашихъ чувствъ; но къ чему вы прилепили тутъ вкусъ мой? Я говорю, что употребительное у насъ француское слово *на сценѣ*, похоже выговоромъ на руское не хорошее слово. Чемъ же тутъ вкусъ мой виноватъ? По Италіянски *garbata* говорится о пріятной женщинѣ, а по нашему *горбата* значитъ женщину съ горбомъ: естьли бы слово сіе ввели въ употребленіе у насъ, и я бы сказалъ, что сіе учтивое Италіянское слово похоже выговоромъ на наше не учтивое, то бы вы изъ сего заключили, что я имѣю весьма худой вкусъ! — Справедливое, по истиннѣ логическое заключеніе! не хуже того наставленія, что для разобранія двусмыслія стиха: *въ дождѣ чай повредился*, надобно знать, пивалиль во времена Анакреоновы чай!

Пис. Скажу *серіозно*, для чего намъ не уклоняться отъ источника, слѣ-

дуя въ томъ опытамъ вѣковъ и народовъ?

Прим. И я скажу *сері-озно*, что мнѣніе ваше весьма *курі-озно*. Позвольте мнѣ спросить у васъ *интеррогаторіозно*: Ну да какъ мы уѣдемъ отъ источника такъ далеко, что потеряемъ его совсемъ изъ виду, куда же мы пріѣдемъ?

Пис. Возмемъ въ примѣръ Греческій и Латинскій языкъ. Кто читалъ древнихъ и новыхъ авторовъ на сихъ языкахъ, тотъ знаетъ разность между ими. Уже ли Греки худо дѣлали, что оставляли то нарѣчіе, коимъ писали Орфей, Исіодъ и проч.? Они чемъ болѣе приближались ко временамъ Демосфеновымъ, тѣмъ языкъ ихъ становился чище и идеи утонченнѣе. Уже ли Римляне, оставивъ нарѣчіе Эннія и Плавта не должны были помышлять о нарѣчіи Тацита, Тита-Ливія, Виргилія, и вообще временъ Августовыхъ? —

Прим. Высокое разсужденіе! милостивый государь мой! падаю, яко невѣжда, предъ глубокою вашею учоностію, и уничиженно признаюсь, что я не читалъ въ подлинникѣ ни Орфея, ни Исіода, ни Демосфена; не знаю отъ чего уклонялись и къ чему приближались Греки, такожъ и какъ ихъ идеи *утончивались*; но при всемъ мракѣ невѣденія моего не могу однакожъ согласиться, чтобъ нынѣшній Греческій языкъ, далеко уклонившійся отъ древняго Эллинскаго, можно было предпочесть Гомерову языку.

Пис. Всѣ языки подвержены неминуемой перемѣнѣ: времена Мономаха, Царя Іоанна Васильевича, Петра Великаго и Екатерины II. Очень примѣтно между собою отличаются.

Прим. Господинъ деревенской житель! мы совсемъ о разныхъ вещахъ думаемъ, то какъ же согласиться можемъ? Вы говорите о нарѣчіи, или простонародномъ употребленіи языка. Кто съ вами объ етомъ споритъ? И вѣдомо оно перемѣняется: мы въ простомъ слогѣ и разговорахъ вмѣсто: *я умѣю читать*, не говоримъ нынѣ: *азъ есмь кни-*

гочій; или вмѣсто: *слуга! вели мнѣ осѣдлать лошадь*, не скажемъ: *чадо! повели мнѣ осѣдлати коня*. Но о томъ ли я говорю? я разсуждаю о разумѣ языка, о красотахъ онаго. Естьли бы во времена Мономаха процвѣталъ русской Гомеръ или Виргилій, такъ какъ упоминаютъ о нѣкоемъ боянѣ, котораго творенія до насъ не достигли; то хотя бы нарѣчіе его и различно было съ нарѣчіемъ временъ Екатерины Великой; но языкъ его, естьлибъ онъ былъ языкъ Гомеровъ, языкъ Виргиліевъ, языкъ боговъ, могъ ли бы состарѣться и перемѣниться? Слово о полку Игоревѣ, псалтирь, четии-минеи, и другія старинныя книги, писаны неупотребительнымъ нынѣ нарѣчіемъ; но языкъ ихъ, сила, красота, богатство, мысль, тѣ ли, какія нахожу я во многихъ нынѣшнимъ нарѣчіемъ писанныхъ романахъ? Однѣ, когда я читаю ихъ, самую сильную дремоту мою разгоняютъ, а другіе и при самой безсонницы моей меня усыпляютъ: вотъ какая между ими разность.

П*ис*. Конечно не надобно вводить иностранныя слова безъ всякой нуж-

ды; но ежели мы чувствуемъ въ нихъ недостатокъ, то щастливая въ такомъ дѣлѣ отважность не есть порокъ.

Прим. Щастливая отважность вводитъ въ языкъ нашъ иностранныя слова! нѣтъ, государь мой! въ расположеніи рѣчи руское слово можетъ употреблено быть щастливо, какъ напримѣръ въ сихъ стихахъ извѣстной всѣмъ оды *къ сосѣду*:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны,
Престанутъ граціи трепать.

Здѣсь глаголъ *трепать* употребленъ весьма щастливо: никакой другой глаголъ съ равною красотою замѣнить его не можетъ. Въ словѣ о полку Игоревѣ сказано: *яръ туре Всеволоде! стоиши на боронѣ, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.* Здѣсь глаголъ *прыскать* есть подлинно не обыкновенное, рѣдко попадающееся уму человѣческому, щастливое выраженіе. Но что принадлежитъ до щастливой отважности вводить въ языкъ свой иностранныя слова, то оную всякой имѣть можетъ, и

скорѣе всѣхъ тотъ, кто хуже знаетъ языкъ свой.

Пис. Не худо для таковыхъ случаевъ, всегда имѣть въ памяти, что всѣ самые богатѣйшіе языки, въ томъ числѣ и Славенской, образовались одинакимъ способомъ; то есть подражаніемъ, или если можно такъ сказать, переливомъ словъ одного языка въ другой. Сличите церьковныя наши книги съ Греческими и убѣдитесь въ сей истиннѣ. Разумѣется, что во всемъ должна только быть мѣра.

Прим. Языки образуются рѣдко родящимися превосходными умами, изобрѣтателями высокихъ мыслей, щастливыхъ выраженій, знаменательныхъ словъ. Заимствованіе или подражаніе ихъ великимъ на другихъ языкахъ писателямъ можетъ способствовать природному ихъ дарованію, но разумъ ихъ устрояетъ и работаетъ самъ. Такимъ образомъ Корнелій подражалъ Гишпанскимъ писателямъ. Такимъ образомъ Буало подражалъ Латинскимъ стихотворцамъ. Такимъ

образомъ Расинъ подражалъ Гомеру (*). Сіи превосходные, творческіе умы устанавливаютъ слогъ, созидаютъ красоты, обогащаютъ языкъ, родятъ краснорѣчіе, разливаютъ пользу. Однако подражаніе сіе не есть рабственное, или рабословное, не требующее никакихъ иныхъ размышленій, кромѣ переноса или перелива словъ изъ одного языка въ другой. Языки не бочки: слова одного изъ нихъ неудобно переливать въ другой, такъ какъ воду изъ одной бочки въ другую. При переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять. Сколько ни сравнивайте церьковныя наши книги съ Греческими, вы не найдете въ нихъ сего *перелива словъ* изъ Греческаго въ нашъ Славенскій языкъ.

(*) См. въ трагедіи его *ifigenie en Aulide* разговоръ Ахиллесса съ Агамемнономъ, начинающійся симъ стихомъ:

Un bruit assez étrange est venu jusqu'à moi, seigneur, &c.

Подобное подражаніе дѣлаетъ таковую же пользу Французскому языку, каковую Гомеровы сочиненія приносили Греческому.

*

Пис. Но я вамъ наскучилъ, милостивые государи; чувствую, что *умодѣлїе* вывело меня изъ границъ письма. Остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою
А. — З.

Прим. Слово *умодѣлїе* не такъ щастливо употреблено здѣсь, какъ вышеприведенныя мною глаголы *трепать* и *прыскать*. Полусловнцо *умо* отъемлетъ у него много силы. Наконецъ, въ заключенїе сихъ моихъ примѣчанїй, скажу вамъ, господинъ деревенскїй житель! что я весьма благодарю васъ за доброе ваше намѣренїе научить меня и наставить; но покуда не придумаете вы такихъ доказательствъ, на которые разсудокъ мой согласиться можетъ, до тѣхъ поръ оставайтесь вы при вашихъ о вещахъ мнѣнїяхъ и понятїяхъ, а мнѣ позвольте остаться при моихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на критику, изданную въ Московскомъ Меркуріѣ, на книгу, называемую разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.

Когда примѣчанія мои на письмо деревенскаго жителя уже печатались, тогда на тожъ самое сочиненіе мое *о старомъ и новомъ слогѣ*, вышла новая критика, изданная въ журналѣ, называемомъ Московскій Меркурій. Поелику вышепомянутую книгу мою писалъ я изъ усердія къ отечеству и для людей любящихъ языкъ свой, а не для тѣхъ, которые не зная ни красотъ ни силы онаго, и часто, не понимая меня, пустыми возраженіями оспориваютъ; того ради положилъ было я твердое намѣреніе не отвѣтствовать болѣе никому, и здержалъ бы данное себѣ слово, естьлибъ Московской Меркурій на одно сужденіе мое о словесности и на слогъ мой нападалъ; таковое нападеніе его не преодолѣло бы во мнѣ чувства побуждавшаго меня къ молчанію; я бы отвѣчалъ ему улыбкою моею, а не перомъ; но какъ онъ, скрывая себя подъ личиною безпристрастнаго

разсматривателя сочиненій, хочетъ намѣренію книги моей, и даже образу мыслей моихъ, дать такой толкъ, какой лицемѣрные или безграмотные судіи даютъ иногда законамъ къ обвиненію праваго; того ради да позволитъ онъ и мнѣ въ оправданіе мое, не передъ нимъ и подобными ему, но предъ другими читателями моими, нѣчто сказать.

Я буду стараться какъ можно меньше наскучить читателю, пропуская всѣ тѣ мѣста, которыя сами по себѣ такъ не имовѣрны, что оговаривать ихъ было бы недостойно его вниманія, какъ напримѣръ слѣдующія: *изъ нашихъ старинныхъ писателей ни одинъ не можетъ намъ служить примѣромъ, ни самъ Ломоносовъ, для сочиненія прозою.* (стран. 184). — или: *кто пишетъ хорошо на одномъ языкѣ, тотъ скоро выучится писать* (то есть быть знаменитымъ писателемъ) *на всякомъ другомъ* (стр. 185), и прочія сему подобныя.

Сверхъ сего многія мысли въ письмѣ деревенскаго жителя сходны съ мыслями издателя Московскаго Меркурія, а потому и многія примѣчанія мои на возраженія перваго, относятся столько же и къ сему послѣднему (*).

)*) По сходству примѣчаемому въ сихъ двухъ на

Разсмотримъ сперва на чемъ основано главное мнѣніе издателя Московскаго Меркурія. На томъ, что всѣ языки старѣются, перемѣняются, а потому и нашъ не только Славенскій языкъ, но и тотъ, которымъ писалъ Ломоносовъ, уже обветшалъ, и не можетъ намъ болѣе служить примѣромъ для сочиненія прозою. (стран. 162, 184). — Что поелику отъ предковъ нашихъ не осталось сочиненій ни объ астрономіи, ни о геометріи, ни о естественной исторіи, ни о медицинѣ, того ради не могли они быть искусны въ словесности и писать красно-

---

мою книгу критикахъ, надлежитъ думать, что сія вторая, есть ничто иное, какъ продолженіе первой. Издатель Московскаго Меркурія почти вездѣ въ критикѣ своей, или ближе къ правдѣ, въ злонамѣренномъ руганіи книги моей, говоритъ въ множественномъ числѣ: *мы*; а потому думать должно, что слово *мы* означаетъ нѣкоторую особливую *шайку* писателей, вооружившихся противъ Славенскаго языка. Сія шайка поспѣша, по видимому, издать первую критику, была сама не довольна ею, находя въ семъ первомъ стряпаньи своемъ мало *соли* и мало *желчи*: чего ради приступила издать другую, гдѣ все оное, сколько могла, поправила.

*

рѣчиво. (стран. 157). — Что мы, хотя и имѣемъ великое количество словъ, однако же не умѣемъ изъяснить ими всего, что думаемъ, и слѣдовательно должны чужія слова и рѣчи принимать въ языкъ нашъ. (стран. 159, 165). — Что поелику прадѣды наши, находясь подъ татарскимъ игомъ, ввели въ него много Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Татарскихъ словъ, то для чего же и намъ не вводить Французскихъ, Арапскихъ, и какихъ бы то ни было? (стран. 166). — Что со временемъ и сіи столько же вразумительны будутъ, какъ и тѣ. Въ доказательство сему издатель Меркурія приводитъ слово *кучеръ*, и спрашиваетъ: *какой поселянинъ не разумѣетъ его*? (стран. 165). — Далѣе: что основатель нынѣшняго языка нашего есть господинъ Карамзинъ, которой *Лизою* своею (*) показалъ, *что онъ имѣетъ душу, имѣетъ сердце*! и которой сочиненіями своими пріобрѣлъ всеобщее и отличное уваженіе и признательность отъ благодарныхъ музъ, отъ всей Россіи, отъ всей Европы, отъ всего ученаго свѣта. (стран. 164, 190). —

(*) Сказочка о бѣдной Лизѣ въ Московскомъ журналѣ.

Что послѣдователи его, нынѣшніе писатели, намѣрены вовсе уничтожить книжной языкъ, и писать какъ говорятъ, а говорить какъ пишутъ. (стран. 180). — Что для достиженія сего великаго намѣренія надлежитъ писать не учась своему языку, и не для ученыхъ людей, а для женщинъ. (стр. 181).

Основываясь на сихъ правилахъ, издатель Меркурія находитъ книгу мою *разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ* наполненною ложными понятіями, ошибками, грубостями, и даже худыми намѣреніями. Но читатель изъ нижеслѣдующихъ на критику его примѣчаній моихъ увидитъ, съ такимъ ли безпристрастіемъ, знаніемъ и справедливостію судитъ онъ объ ней, съ какою бы надлежало судить, когда бы перомъ его управляло побужденіе быть полезнымъ, а не желаніе злословить. Онъ говоритъ обо мнѣ.

,,Сочинитель увѣряетъ, что языкъ Славенскій во второмъ надесять вѣкѣ уже столько процвѣталъ, сколько языкъ Французскій сталъ процвѣтать во времена Людовика XIV. (!!!)

Надлежитъ, утверждая или опровергая что нибудь, доказывать разсужденіями: удивительные знаки, хотя бы ихъ поставить

тридцать сряду, ничего еще не доказывають: всякой робенокъ можетъ наставить ихъ сколько угодно. Посмотримъ понялъ ли меня господинъ Меркурій, и я ли сказалъ здѣсь нелѣпицу, или онъ, какъ говорится пословица, глядѣлъ въ книгу, да худо видѣлъ. Порядокъ доказательствъ моихъ въ сочиненіи моемъ о старомъ и новомъ слогѣ есть слѣдующій: я многими выписками изъ священныхъ нашихъ книгъ, и примѣчаніями моими на оныя, показываю, какое краснорѣчіе, и какое великое богатство языка въ нихъ заключается. Потомъ для доказательства, что мы пребогатымъ сокровищемъ симъ не пользуемся, прилагаю малый опытъ словаря, изъ котораго, при всей его малости, довольно уже явствуетъ, что мы, гоняясь за какими-то утонченными въ чужихъ языкахъ понятіями, теряемъ всю важность, изобиліе и силу собственнаго языка своего и собственныхъ понятій своихъ. На сихъ двухъ доказательствахъ основываясь говорю, что по красотѣ и силѣ, съ какою предки наши умѣли объяснять мысли свои, когда начали переводить славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, должно заключать, что Сла-

венскій языкъ процвѣталъ уже и прежде, то есть во времена самыя отдаленнѣйшія. Ибо хотя мы и не видимъ никакихъ древнихъ книгъ, показующихъ ученость Славенскаго народа; однако же вѣроятно заключить можемъ, что когда переводы съ другихъ языковъ изобилуютъ великолѣпіемъ и красотою мыслей, то уже люди того времени умѣли мыслить, разсуждать и объясняться. Видя дымъ, хотя мы и не видимъ огня, однакоже безошибочно заключаемъ, что дымъ сей отъ горящаго внутри пламени происходитъ. Отсюду вывожу я, что богатство и краснорѣчіе древняго языка Славенскаго, которое видимъ мы въ духовныхъ писаніяхъ нашихъ, уже и во второмъ надесять вѣкѣ, столько процвѣтало, сколько краснорѣчіе Французскаго языка въ свѣтскихъ писаніяхъ стало процвѣтать во времена Людовика XIV. Вся моя книга есть толкованіе о семъ. Какимъ же образомъ издателю Московскаго Меркурія могло помѣститься въ голову, что я свѣтскихъ втораго надесять вѣка писателей нашихъ, которыхъ тогда никого еще не было, равняю съ Французскими свѣтскими

при Людовикѣ XIV писателями? Я знаю, что не только въ тогдашнее время, но и нынѣ свѣтская словесность наша не можетъ равняться съ свѣтскою словесностію Французовъ, однако же не меньше того увѣренъ, что языкъ нашъ несравненно богатѣе ихъ языка. Великая Екатерина, разговаривая нѣкогда съ Посланникомъ Сегюромъ о Россійскомъ и Французскомъ языкѣ, сказала: *ихъ нельзя сравнивать между собою; одинъ изъ нихъ Исполинъ, а другой Карла.* Ломоносовъ, разсуждая о нашемъ языкѣ, говоритъ: „Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно.“ — Когда бы не было у насъ духовныхъ книгъ, изъ которыхъ однихъ можемъ мы разсуждать о силѣ и богатствѣ Славенскаго языка, то могла ли бы Екатерина Великая, могъ ли бы Ломоносовъ, по однимъ тогдашнимъ нашимъ свѣтскимъ писаніямъ, превозносить

столько языкъ нашъ? Иное дѣло сравнивать науки и нынѣшнюю словесность нашу съ науками и словесностію французскою, иное дѣло разсуждать о языкѣ, которой у нихъ процвѣталъ подъ перомъ свѣтскихъ писателей, а у насъ подъ перомъ духовныхъ. Издатель Московскаго Меркурія, продолжая приписывать мнѣ свое понятіе, и не вразумясь о какой учености и глубокомысленности Славенскаго народа говорю я, спрашиваетъ: „*гдѣ остатки сей учености? о какихъ наукахъ физическихъ или математическихъ писали наши предки? Много ли знаемъ древнихъ рускихъ сочиненій объ астрономіи, о геометріи, о химіи, о естественной исторіи, о медицынѣ, или по крайней мѣрѣ о предметахъ словесности?*“ — Къ чему всѣ сіи вопросы когда я не о наукахъ разсуждаю, но о древности языка, и о краснорѣчіи духовныхъ нашихъ книгъ. Когда бы я сталъ говорить о силѣ и красотѣ Демосфеновыхъ противъ Филиппа, или Цицероновыхъ противъ Катилины словъ, имѣлъ ли бы кто право спросить у меня: да зналиль они Геометрію? Мы даже и сего утвердительно сказать не можемъ, что предки наши не писали о наукахъ. Гдѣ сочиненія Бояновы? Кто мнѣ докажетъ, что и мно-

гихъ разнаго рода Бояновъ не поглатила рѣка забвенія.

Издатель Меркурія, почитая Славенскій языкъ нашъ состарѣвшимся, худымъ, недостаточнымъ объяснять новыя наши понятія, говоритъ: „*Сочинитель разсужденія о слогѣ, выписавъ изъ чети-минеи цѣлое житіе трехъ святыхъ Дѣвъ (мученицъ), отъ первой страницы до послѣдней, обращаясь къ читателямъ, говоритъ: откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ? (стр. 126)? Надобно думать, что ето ошибка.*“ — Нѣтъ, господинъ Меркурій, ето не ошибка. Ѣдкость сего выраженія вашего стоитъ грубости моихъ словъ (*).

(*) Издатель Меркурія, для показанія грубости словъ моихъ, часто выписывая ихъ прибавляетъ къ обстоятельству дѣла отъ себя нѣчто ложное. Какъ напримѣръ онъ говоритъ обо мнѣ: „*въ другомъ мѣстѣ, послѣ длинной выписки, онъ спрашиваетъ: похожъ ли етотъ бредъ на рускій языкъ? Такіе примѣры находимъ почти на каждой страницѣ.*“ — Мѣсто въ книгѣ моей, о которомъ здѣсь говоритъ Меркурій, есть слѣдующее: „что такое *развивать характеръ?* похожъ ли етотъ бредъ на руской языкъ? (стр. 129).“ — И такъ слово *бредъ* сказано здѣсь не *послѣ длинной выписки*, и не относится ни къ какому лицу, но единственно къ словамъ *раз-*

Разсмотримъ здѣсь два обстоятельства: первое, съ добрымъ ли намѣреніемъ издатель Меркурія судитъ книгу мою, или съ тѣмъ зложелательствомъ, чтобъ перетолковывать ее по своему, въ надеждѣ, что не всякой читатель пойдетъ въ нее справляться, точно ли Меркурій говоритъ о ней правду. Второе, вподлинну ли мнѣніе, что изъ Славенскихъ книгъ можемъ мы почерпать знаніе языка, такъ не вѣроятно и странно, что издатель Меркурія не иначе почитаетъ оное, какъ *ошибкою*, то есть сумашествіемъ или совершеннымъ безуміемъ; ибо ошибка ни чего инаго значить здѣсь не можетъ. Господинъ Меркурій приступаетъ къ истолкованію меня слѣдующимъ образомъ: во первыхъ рѣчь мою сокращаетъ; во вторыхъ все предъидущее разсужденіе, объясняющее оную; выкидываетъ. Мы увидимъ тотчасъ для чего онъ сіе дѣлаетъ. Вотъ что въ книгѣ моей сказано: „Всѣ сіи приведенныя для примѣра здѣсь выписки изъ

вивать характеръ. Желаніе повредить кому нибудь лукавыми натяжками и ѣдкими мыслями гораздо хуже, нежели грубая правда, чистосердечно сказанная.

священныхъ писаній (*) суть отнюдь не такія, которыя бы съ особливымъ тщаніемъ выбраны были, но случайно взяты изъ не многаго числа попавшихся мнѣ въ руки книгъ. Между тѣмъ, естьли мы безъ всякаго предубѣжденія и предразсудка, вникнувъ хорошенько въ языкъ свой, сравнимъ ихъ съ самыми краснорѣчивѣйшими иностранными сочиненіями, то должны будемъ признаться, что оныя ни общимъ расположеніемъ описанія, или повѣствованія, ни соображеніемъ понятій, ни остротою мыслей, ни

(*) Слѣдовательно не объ одномъ житіи трехъ святыхъ Дѣвъ говорю я здѣсь, какъ толкуетъ меня Меркурій. Сихъ выписокъ въ книгѣ моей много. Я сидѣлъ и трудился надъ ними долго, дабы показать красоту языка нашего въ священныхъ писаніяхъ, и увѣренъ, что благомыслящіе люди внутри сердца своего поблагодарятъ меня за то. Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ, и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею; Меркуріи станутъ меня злословить, но я и не пекусь о ихъ похвалѣ. Я въ предисловіи книги моей сказалъ, что не для нихъ оную пишу.

изобрѣтеніемъ, ни украшеніемъ, ни чистотою и величавостію слога, не уступаютъ имъ. Откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искуствѣ слова?" — Примѣтимъ теперь безпристрастіе Меркурія: во первыхъ онъ выпустилъ все предъидущее, къ чему я последнюю рѣчь мою сказалъ. Во вторыхъ даетъ словамъ моимъ такой оборотъ, какъ будто я на одно житіе трехъ святыхъ Дѣвъ указываю. Въ третьихъ изъ рѣчи моей: *откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искуствѣ слова.* сію послѣднюю часть рѣчи: *для наставленія себя въ искуствѣ слова,* выкинулъ. Для чего все сіе сдѣлано? для того, дабы удобнѣе было дать словамъ моимъ такой толкъ, какъ будто бы я говорилъ: *пишите старымъ не употребительнымъ слогомъ, пишите поэмы и трагедіи по образцу житія святыхъ отецъ.* Нѣтъ, господинъ Меркурій! не только другіе читатели поймутъ о чемъ я въ книгѣ моей говорю, но и вы сами понимаете, и для того-то и стараетесь выпускать, сокращать меня, чтобъ показать не въ томъ видѣ, въ какомъ я вамъ самимъ противъ воли вашей кажусь. Къ подобнымъ уловкамъ

господинъ Меркурій весьма часто прибѣгаетъ. Напримѣръ: выписавъ изъ книги моей приведенные мною для примѣра старинные стихи: *токмо есть требе Бога вамъ хвалити* и проч., говоритъ: „*сомнительно, чтобы такія красоты обратили читателей къ прежнему слогу.*“ (стран. 171). — Господинъ Меркурій, дабы взвести на меня небылицу, притворяется здѣсь, будто меня не понялъ. Я въ книгѣ моей (на стран. 61) о самыхъ сихъ стихахъ говорю, что они не имѣютъ ни желаемой чистоты, ни согласія, ни опредѣленной мѣры, ни стройнаго слогопаденія: слѣдовательно послѣ сего не трудно было понять меня, что я не выдаю ихъ за образецъ краснорѣчія. Напротивъ, я нарочно старался изъ старинныхъ стиховъ выбрать здѣсь самые простые, дабы слича ихъ съ нынѣшними гладкими и высокоумными стихами (смотри стихи сіи въ той же книгѣ моей и на той же страницѣ), тѣмъ очевиднѣе показать разность, что первые изъ нихъ при всей своей простотѣ удобовразумительны и ясны, а въ другихъ разумъ гоняясь за хитростію сбился совсѣмъ съ пути. Сравнивать естественную просто-

ту старинныхъ стиховъ съ непонятною замысловатостію нынѣшнихъ новоязычныхъ, для показанія преимущества однихъ предъ другими, не есть выдавать сіи простые старинные стихи за образецъ красоты. Подобнымъ же образомъ господинъ издатель Меркурія изволитъ толковать и о стихахъ, приведенныхъ въ книгѣ моей изъ Ломоносова. Тамъ раздѣлены они на три рода: одними показываю я, какимъ образомъ умѣлъ онъ простыя и даже низкія слова помѣщать пристойно, не унижая ими слога. Другими, съ какою плавностію, силою и красотою изображалъ онъ свои мысли. Послѣ приведенныхъ мною тому примѣровъ говорю: „*Мы видѣли разумъ его и глубокое въ языкѣ знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности его и наблюденія ясности въ рѣчахъ.*" Здѣсь упоминаю я о стихѣ: *Въ дождѣ чать повредился*, единственно для того, дабы дать читателю примѣтить, съ какимъ раченіемъ пекся онъ о слогѣ своемъ, когда при самомалѣйшемъ обстоятельствѣ темноты или двусмыслія старался избѣгать отъ оныхъ. Меркурій по благонамѣренному безпристрастію своему, желая вездѣ меня показывать на выворотъ,

смѣшиваетъ сіи мои три весьма различныя между собою мысли, и о тѣхъ стихахъ, которыхъ замѣчаю я красоты, ничего не говоритъ; а о которыхъ красотѣ я ничего не говорю, на тѣ указываетъ онъ и восклицаетъ: „*Послѣ сего читатель ожидаетъ прекраснаго, чрезвычайнаго и къ удивленію своему находитъ: О коль велико въ немъ движеніе сердечно,* и проч. (см. въ журналѣ его стран. 171 и 172). — Мнѣ кажется чужіе труды должно опровергать своими трудами и справедливыми показаніями, а не клеветами. Обратимся теперь къ тому, можно ли, читая священныя писанія, наставлять себя въ доискуствѣ слова. Хотя я въ книгѣ моей довольно о семъ говорилъ, однако скажемъ и здѣсь нѣчто. Всякъ знаетъ, что богатство наше состоитъ въ Славенскомъ языкѣ. Употребительный нынѣ Россійскій языкъ есть чадо онаго, заимствующее отъ него все свое украшеніе. Запрети намъ писать: *конь, всадникъ, возница, вертоградъ, храмъ, молніеносный, быстропарящій*, и всѣ подобныя симъ слова, имѣющія корень свой въ Славенскомъ языкѣ, словесность наша не лучше будетъ Камчадальской. Издатель Меркурія думаетъ,

что языки старѣются, и что когда нарѣчіе перемѣнилось, то уже и старой языкъ никуда негодится. Такимъ образомъ могу я думать о тупоносыхъ башмакахъ, когда повѣрье перемѣнится, и станутъ носить остроносые; но совсемъ иное понятіе имѣю я объ языкахъ и о словесности. Древность языка и чтеніе старинныхъ книгъ есть тоже для меня, что поучительная бесѣда съ умащеннымъ сѣдиною славнымъ воиномъ. Тѣло его слабо, но душа его сильна. Онъ не стана своего сановитостію, не красивымъ и легкимъ въ десницѣ своей обращеніемъ оружія, научитъ меня владѣть мечемъ; но достойными вниманія расказами о храбрыхъ воинскихъ дѣлахъ и подвигахъ воспламенитъ сердце мое и вложитъ въ грудь мою духъ честолюбія, духъ мужества. Такимъ образомъ первая искра стихотворческаго огня загорѣлась въ душѣ Ломоносова отъ чтенія псалтири. Отними всѣ старинныя книги, уничтожъ Славенской языкъ, мы не будемъ имѣть ни письма о пользѣ стѣкла, ни Россіяды, ни Душиньки, ни Фелицы. Науки и чтеніе иностранныхъ книгъ распространяютъ познанія наши, но могутъ ли они

одаришь насъ силою слова? Мы хошимъ подражать Французамъ, но подражаемъ ли имъ, когда заимствуемъ у нихъ и слова и образъ рѣчей? Какой Французъ учился у Нѣмца писать по французски? Мы имѣемъ мало хорошихъ свѣтскихъ сочиненій, тѣмъ нужнѣе читать намъ духовныя Славенскія книги: ибо откудужъ иначе познаемъ мы языкъ свой? Взглянемъ на первоначальное Французской и нашей словесности возничение. До временъ Петра Великаго, или паче Елисаветиныхъ, не было у насъ наукъ, не было свѣтскихъ писателей, стихотворцевъ. Французская словесность начала процвѣтать около временъ Людовика XIV. Въ его царствованіе стали у нихъ появляться знаменитые писатели. Они прославились въ тѣхъ родахъ сочиненій, которые у насъ были неизвѣстны. Въ трагедіяхъ, въ комедіяхъ, въ наукахъ, въ разныхъ стихотвореніяхъ и проч. Мы оставались еще, до временъ Ломоносова и современниковъ его, при прежнихъ нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, при священныхъ книгахъ, при размышленіяхъ о величествѣ Божіемъ, при умствованіяхъ о христіянскихъ должностяхъ

и о вѣрѣ, научающей человѣка кроткому и мирному житію; а не тѣмъ развратнымъ нравамъ, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толикаго пролiянія крови, и по нынѣ еще во Франціи гнѣздятся. Но оставимъ наитіе ихъ на нравственность и обратимся къ словесности. Франція изобиловала уже различными сочиненіями, когда наша словесность едва двигала еще свои мышцы. Французскіе писатели попеченіемъ объ языкѣ своемъ вычистили, обогатили оный; мы прилѣпленіемъ къ языку ихъ стали отставать отъ своего собственнаго. Такимъ образомъ въ наукахъ и въ художествахъ сдѣлалось у нихъ множество названій, въ которыхъ мы переводя книги ихъ почувствовали нужду, и стали принимать ихъ въ свой языкъ. Отъ наукъ и художествъ простерлось сіе и на словесность. Вмѣсто того, чтобъ и тѣ названія, въ коихъ мы дѣйствительную имѣемъ надобность, стараться истреблять, замѣняя ихъ своими пріисканными въ Славенскомъ словарѣ, или новыми со тщаніемъ изобрѣтенными, мы стали въ разговорахъ и въ кни-

гахъ щеголять употребленіемъ всякихъ, нимало не нужныхъ намъ, чужестранныхъ словъ, предпочитая ихъ своимъ (*). Отъ словъ дошло и до цѣлыхъ рѣчей. Переводчики стали тысячами вносить ихъ въ языкъ свой, принуждая читателя понимать не понятное; ибо такіе переводы гораздо легче *головоломныхъ* переводовъ. Отсюду часъ отчасу большее удаленіе отъ знанія и любленія собственнаго языка своего, и часъ отчасу большее прилѣпленіе къ нелѣпому, безобразному чужеязычію, такъ что напослѣдокъ господа

(*) Меркурій по одному великодушію своему, безъ всякой денежной платы, обучая меня различать Французскія слова съ Латинскими и Греческими, говоритъ: „нынѣшніе хорошіе писатели приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частію Греческихъ и Латинскихъ." — Господинъ Меркурій! гдѣ совѣсть? Да развѣ *актъ, сцена, мифологія, религія, дискриптивная, гармонировать, форштадъ, бандидъ, фурманъ, визитація, катедральная,* и проч. и проч. Все Греческія и такія слова, которыя намъ необходимо нужны! — Вы о сихъ словахъ, упомянутыхъ въ книгѣ моей (на стран. 356) ни слова не говорите, а говорите о словѣ *фраза,* о которомъ я ни слова не говорю, хотя и оное отнюдь не почитаю украшеніемъ нашего языка.

Меркурiи начали явно утверждать, что *чтенiе Славенскихъ книгъ не наставляетъ насъ въ искуствѣ слова;* что *мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми не умѣемъ объяснять всего, что думаемъ;* что *двѣ трети языка нашего ни куда не годятся;* что *нынѣшнiе писатели наши намѣрены истребить книжной языкъ;* и что *писать надобно не учась своему языку, и не для ученыхъ людей, а для женщинъ.* Разсмотримъ по порядку каждую изъ сихъ мыслей, ибо каждая изъ нихъ достойна особливаго вниманiя.

Издатель Меркурiя удивляется, какъ мы выше видѣли, что я въ Славенскихъ и священныхъ писанiяхъ нахожу примѣры краснорѣчiя, удобные къ наставленiю насъ въ искуствѣ слова, и говоритъ: *„надобно думать, что это ошибка.“*

Не знаю по чему будетъ это ошибка, когда я читая въ пѣсни Игоревой: *а мои ти куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повиты, подъ шеломы возлелеяны, концемъ копiя воскромлени,* нахожу, что въ словахъ сихъ заключается мысль, какой сильнѣе не читалъ я ни въ Виргилiи, ни въ Тассѣ, ни въ Волтерѣ. Свѣтскiя писанiя конечно различествуютъ съ духовными: изъ Посланiй Свя-

шаго Павла Сумороковъ не могъ заимствовать нѣжныхъ при прощаніи разговоровъ Трувора съ Ильменою; однакожъ во многихъ случаяхъ краснорѣчіе какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ, можетъ быть равное и одинакое. Изображеніе страстей, пороковъ, добродѣтелей; описаніе бури или тишины, гордости льва или кротости агнца, и тысячи подобныхъ сему вещей можно находить какъ въ житіи святыхъ отецъ, такъ и въ Мармонтелевыхъ сказкахъ. Трагедія вообще есть сочиненіе не похожее на псаломъ, на акафистъ, на прологъ, на четьи-минею, кто объ етомъ споритъ? но въ псалмѣ, въ акафистѣ, въ прологѣ, въ четьи-минеи, также какъ и въ Корнеліевой трагедіи, есть богатыя мысли, сильныя чувствованія, прекрасныя выраженія. Въ какомъ французскомъ стихотворцѣ найду я сильнѣйшее сего разсужденіе о Богѣ: *у него премудрость и сила, у него совѣтъ и разумъ: аще низложитъ, кто созиждетъ? аще затворитъ, кто отверзетъ? аще возбранитъ воду, изсушитъ землю; аще пуститъ, погубитъ ю.* Расинъ въ трагедіи своей Федрѣ, описывая морское чудовище, говоритъ:

Son front large est armé de cornes menaçantes.

или:

Sa croupe se recourbe en replis tortueux.

Іовъ въ Библіи, изображая подобное же чудовище, говоритъ:

На выи же его водворяется сила, предъ нимъ течетъ лагуба.

или:

Ребра его ребра мѣдяна, хребетъ его желѣзо слïяно.

Естьли читая сіи Расиновы стихи научаюсь я, какимъ образомъ должно изображать чудовище, то и читая Іова томужъ самому научаюсь, съ тою разностію, что Расинъ обогащаетъ меня одними только мыслями, а Іовъ и мыслями и словами къ выраженію оныхъ пристойными; одинъ научаетъ меня понимать вещи, а другой и понимать ихъ и пересказывать съ таковою же силою; начитавшись одного познаю я красоты чужаго языка, начитавшись другаго познаю я собственный свой языкъ и богатство онаго. Когда же разумъ мой обогащенъ будетъ мыслями и словами, тогда, имѣя дарованіе, удобнѣе могу я писать и простымъ и важнымъ и забавнымъ и высокимъ слогомъ; но когда я ни силы, ни оборотовъ языка своего, ни приличнаго помѣ-

щенія словъ, ни знаменованія оныхъ, не знаю, тогда переводя Волтера изъ острыхъ и забавныхъ шутокъ его сдѣлаю нѣчто сухое, изъ жалостныхъ и важныхъ твореній его нѣчто смѣшное. И такъ священныя наши книги могутъ намъ служить образцами для наставленія насъ въ искуствѣ нынѣшней нашей словесности, подобно какъ служили онѣ образцами Ломоносову, и сравнивать заключающееся въ нихъ краснорѣчіе съ краснорѣчіемъ французскихъ писателей, процвѣтавшихъ во времена Людовика XIV, есть не такой душепагубный грѣхъ, какимъ кажется оный издателю Московскаго Меркурія. Онъ говоритъ: *наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ Будуаровъ Аспазіи, для картинъ Виландовыхъ, Мейснеровыхъ, или Доратовыхъ*. Очень хорошо. Но откудужъ возмемъ мы сіи краски, естьли не научимся составлять ихъ изъ прежде бывшихъ красокъ? Естьли Виландовы, Мейснеровы, Доратовы картины хороши, такъ это отъ того, что они учились писать ихъ. Мейснеръ читаетъ нечаянно попавшуюся ему забытую всѣми старинную книгу, называемую: *шесть сотъ двадцать семъ повѣстей о шутливыхъ рѣчахъ и бранныхъ словахъ придворнаго*

балагура Клауза. Пріятель Мейснеровъ, нашедъ его упражняющагося въ чтеніи сей книги, спрашиваетъ у него: какъ можетъ онъ читать такой вздоръ? Мейснеръ отвѣчаетъ: *можетъ быть усмотрю я здѣсь первое основаніе нѣкоторыхъ славныхъ вымысловъ; найду нѣсколько хорошихъ не справедливо забытыхъ выраженій; соберу нѣкоторыя свѣденія о тогдашнемъ образѣ мыслей Саксонцевъ* — (*). Господинъ Меркурій не знаю по какому праву отъ лица всѣхъ нынѣшнихъ писателей кричитъ: *мы не хотимъ читать старинныхъ рускихъ книгъ; мы хотимъ быть Виландами, Мейснерами, Доратами!* Государи мои! я отъ истиннаго сердца желаю вамъ сего, но не вижу къ тому никакой надежды: Мейснеры даже и въ Клаузахъ ищутъ, нѣтъ ли чего такого, что изъ нихъ почерпнуть можно; а вы даже и въ сокровищахъ Славенскаго языка ничего добраго не находите. Но довольно о семъ. Обратимся ко второй его мысли. Онъ за-

---

(*) Vielleicht das ich hier den ersten grund manches berühmen Einfalls aus-schürfe; manche gute unrechtmässig vergessne Redensart auffinde; manchen beitrag zur denkart der damaligen sachsen famle. — (Meisners skizzen).

щищая писателей вводящихъ въ языкъ нашъ странныя новости, вопiя противъ меня за похвалы мои Славенскому языку, доказывая негодность онаго и надобность заимствованія новыхъ словъ и выраженій, говоритъ:

,,Мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми однакожъ не умѣемъ изъяснить всего, что думаемъ. (стран. 159).

Во первыхъ, я бы желалъ знать, о комъ здѣсь сказано: *мы не умѣемъ*? Ломоносовъ умѣлъ, Херасковъ, Державинъ, и другіе, подобные имъ писатели, умѣютъ. У насъ конечно не много важныхъ сочиненій, и знаменитыхъ писателей, но тѣ которые есть, умѣютъ рускимъ языкомъ объяснять мысли свои, иначе не были бы они хорошими писателями. Не ужъ ли издатель Меркурія думаетъ, что когда онъ не умѣетъ, такъ и вся Россія не умѣетъ? — Во вторыхъ, на чемъ сіе разсужденіе основано? имѣть великое количество словъ и не умѣть объясняться ими, не тоже ли самое есть, какъ имѣть великое множество кирпичей и не умѣть изъ нихъ построить себѣ домъ? ктожъ виноватъ: хозяинъ или кирпичи? Ломоносовъ умѣлъ воспользоваться великимъ

количествомъ словъ, умѣлъ изъ сихъ кирпичей воздвигнуть преславное зданіе; естьли бы многіе Ломоносовы умѣли также созидать изъ нихъ высокіе домы, такъ бы вышелъ великолѣпный, огромный городъ. Слѣдовательно не кирпичи сіи бросать, но надобно намъ изъ кирпичей сихъ учиться строить домы. Обратимся къ третей мысли господина Меркурія. Онъ говоритъ:

,,Сочиненія Кантемировы были первою зарею нашей словесности. Послѣ того умы Россійскіе летѣли къ просвѣщенію. Недоставало только человѣка съ дарованіями превосходными и обработанными ученіемъ долговременнымъ, чтобы отважиться на образованіе новаго языка. Ломоносовъ отважился и предалъ имя свое безсмертію. (Ломоносовъ ни на что не отважился и никакова новаго языка не образовалъ. Нарѣчіемъ или слогомъ, какимъ писалъ онъ, уже до него всѣ писали. Сумароковъ жилъ и сочинялъ въ одно съ нимъ время и уже эклоги его дышали нѣжностію, каковую и самъ Ломоносовъ не способенъ былъ изображать. Онъ пылкимъ воображеніемъ своимъ, соединеннымъ съ знаніемъ языка своего, вознесся токмо выше всѣхъ современниковъ своихъ, и главное достоинство его состояло въ томъ, что

онъ умѣлъ простой Россійскій языкъ сочетать съ высокимъ Славенскимъ языкомъ, и такъ сказать одинъ изъ нихъ растворить другимъ. Трудъ и намѣреніе его были совсемъ противны тому, чтобъ бросить Славенскій языкъ и простой руской смѣшать съ Францускимъ). *Онъ собственнымъ примѣромъ доказалъ, что старинное не всегда бываетъ лучшее.* (Это всякой знаетъ, что худое старинное хуже хорошаго новаго, а худое новое хуже старинняго хорошаго. Ломоносовъ, напротивъ, и словами и дѣломъ доказалъ, что желающему быть искуснымъ писателемъ, должно читать Славенскія книги). *Дорога проложена: оставалось только слѣдовать по ней, то есть очищать, обогащать языкъ по числу новыхъ понятій.* (Обогащаетъ языкъ тотъ, кто упражняется въ немъ; очищаетъ его, кто истребляетъ чужеязычіе. Но кто думаетъ, что онъ введеніемъ въ него чужестранныхъ нелѣпостей очищаетъ и обогащаетъ его, тотъ не по той дорогѣ идетъ, которую проложилъ Ломоносовъ). *Ибо языкъ самой богатой бѣднѣетъ, естьли не пріобрѣтаетъ.* (Мнѣ извѣстны токмо понятія, заключающіяся въ словахъ: *теряя бѣднѣть*, или: *пріобрѣтая богатѣть*; но выраженіе *бѣднѣть не пріобрѣтая*

принадлежитъ къ числу новыхъ *утонченныхъ* понятій, о которыхъ я давно уже отозвался, что ихъ не разумѣю. По крайней мѣрѣ, говоря такими загадками, должно объяснять ихъ. Мнѣ кажется языкъ нашъ *пріобрѣтая бѣднѣетъ.* Это также загадка; но я свою растолкую и скажу, что я подъ симъ разумѣю: пріобрѣтаетъ онъ переводную изъ Французскаго языка нелѣпицу, а теряетъ природную силу и краткость: слѣдовательно бѣднѣетъ). *Ломоносовъ сравнялся съ лучшими поэтами, но не могъ поравнять нашей словесности съ Французскою, ни даже съ Италїянскою, ни даже съ Англинскою; не могъ поровнять нашихъ понятїй съ понятїями другихъ народовъ.* (Названіе *словесность* объемлетъ собою всѣ роды писаній, а потому одинъ человѣкъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, не можетъ составить всей словесности, или поравнять ее съ словесностію другихъ народовъ. Понятія одного народа сравниваются съ понятіями другаго народа общимъ попеченіемъ о языкѣ и о наукахъ. Разсматривателю книгъ надобно умѣть разсуждать). *Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова, нѣтъ понятїя, нѣтъ и выраженїя.* (Такъ; да не о томъ рѣчь идетъ, а вотъ о чемъ: есть слово и есть понятіе, но мы или не знаемъ,

или не хотимъ употреблять его, для того, что оно наше собственное. Когда бы господинъ Меркурій поприлѣжнѣе книгу мою прочиталъ, такъ бы онъ увидѣлъ о чемъ я въ ней говорю). *Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей.* (Какія это вещи? что такое новое открылось намъ въ словесности? поелику господинъ Меркурій говоритъ здѣсь арифметически, и вмѣсто всѣхъ разсужденій и доказательствъ употребляетъ только щотное число *тысячи*, того ради и отвѣчать ему должно арифметически же: положимъ, что до Ломоносова извѣстно было пятдесятъ тысячь вещей, а послѣ него открылось еще двѣ тысячи. Для чего же нынѣшнему Ломоносову съ пятьюдесятью двумя тысячами вещей, не говорить такимъ же чистымъ рускимъ языкомъ, какимъ старой Ломоносовъ говорилъ съ пятьюдесятяю тысячами?). *Чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій.* (Опять тысячи? да въ чемъ состоятъ сіи тысячи, и какую связь чужестранные обычаи имѣютъ съ языкомъ и краснорѣчіемъ нашимъ? Французы выкрасятъ сукна и дадутъ цвѣтамъ ихъ названія: *мердуа, бу-де-пари* и проч. —

Они надѣлаютъ домашнихъ уборовъ и назовутъ ихъ: *табуре, шезлонгъ, кушетъ* и пр. — Они выдумаютъ *шарады, логогрифы, акростиши, абракадабры,* и проч. — Они наденутъ толстой галстукъ и скажутъ: ето *жабо*; возмутъ въ руки суковатую дубину и скажутъ: ето *массю д'еркюль.* — Они перемѣнятъ имена своихъ мѣсяцовъ; изобрѣтутъ *декады, гильйотины,* и проч. и проч. — Какъ! и все ето должно потрясать языкъ нашъ? Какъ! для всѣхъ етихъ вздоровъ должно намъ пренебрегать Славенскій, коренный языкъ свой и выдумывать новой, шарабарской? — Нѣтъ, господинъ Меркурій, мало вы найдете людей, которые бы вамъ въ етомъ повѣрили). *Вкусъ очистился.* (Судя по великому числу выходящихъ нынѣ худыхъ сочиненій, и по малому числу хорошихъ, не вижу я, чтобъ вкусъ нашъ въ словесности очистился, и врядъ очистится ли онъ, когда мы такъ о языкѣ нашемъ судить будемъ, какъ судятъ Меркуріи). *Читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху.* (Не хотятъ, но по неволѣ терпятъ, когда худые писатели, или тѣ, которымъ припала охота портить языкъ свой, безпрестанно щѣмъ ихъ попт-

чиваютъ. Въ книгѣ моей можно видѣть ясныя тому доказательства). *Болѣе двухъ третей рускаго словаря остается безъ употребленія.* (Прекрасное доказательство процвѣтанія нашей словесности и очищенія вкуса! я не знаю за чемъ уже и остальную треть оставлять; лучше бы весь руской языкъ истребить; но правда, ето и не нужно; ибо когда останется его одна треть, а двѣ трети будетъ чужеязычія, то уже и остальной трети никто руской разумѣть не будетъ. Господинъ Меркурій хвалитъ ето и называетъ просвѣщеніемъ! что отвѣчать на сіе?). *Что дѣлать? искать новыхъ средствъ объясняться.* (Да гдѣ же мы искать ихъ станемъ, коли не въ своемъ умѣ и не въ своемъ языкѣ?). *Удержать языкъ въ одномъ состояніи не возможно: такова чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосфеновъ должны какъ чужестранцы учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на кафедрѣ Афинской.* (Хорошій примѣръ для послѣдованія! господинъ Меркурій желаетъ насъ видѣть похожими на потомковъ Демосфеновыхъ, у которыхъ нѣтъ уже ни языка ни наукъ! Для того что ихъ языкъ уклоняясь отъ Гомерова

языка пришелъ въ упадокъ, такъ и нашему уклоняясь отъ Славенскаго надобно придти въ упадокъ! Вотъ здѣсь вподлинну должно думать, что ето ошибка). — Обратимся къ четвертой мысли издателя Московскаго Меркурія. Онъ говоритъ:

,,Замѣтимъ еще нѣкоторыя мысли сочинителя. Кажется, что онъ полагаетъ необходимымъ особливой языкъ книжной, которому надобно учиться какъ чужестранному, и различаетъ его только отъ низкаго, простонароднаго. Но есть языкъ среднїй, тотъ, которой стараются образовать нынѣшнїе писатели равно для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ, и говорить какъ пишутъ; однимъ словомъ, чтобы совершенно уничтожить языкъ книжной.'' (стран. 180).

Здѣсь опять надлежитъ быть великой ошибкѣ. Книги пишутся простымъ, среднимъ и высокимъ слогомъ. Издатель Меркурія перемѣшавъ, какъ видно, сїи понятїя, думаетъ, что мы разговариваемъ между собою простымъ, среднимъ и высокимъ языкомъ! Признаться, что я о такомъ раздѣленїи разговоровъ нашихъ на различные слоги отроду въ первой разъ слышу. Книжной языкъ раздѣляется на три слога; изъ которыхъ простой есть тотъ, которымъ говорятъ въ хорошихъ обществахъ; среднїй

есть замысловатѣе и цвѣтущее онаго, высокой же громче и величавѣе. Средній языкъ въ книжномъ языкѣ есть средній слогъ; но средній языкъ въ языкѣ разговоровъ есть почти тоже, что средняя точка на поверхности шара. Въ книгѣ моей довольно ясно сказано, что такое разумѣю я подъ словами *книжной языкъ*, да естьлибъ и не дѣлать о семъ никакого объясненія, такъ самыя слова сіи не могутъ инаго значить, какъ то, что книжной языкъ есть тотъ, которымъ пишутся книги, а не тотъ, которымъ люди другъ съ другомъ разговариваютъ. Сіи два языка различаются между собою во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ народахъ, кромѣ тѣхъ развѣ людей, у которыхъ нѣтъ ни книгъ, ни наукъ, ни словесности. Не возможно не различать ихъ, потому что книжной языкъ всегда бываетъ выше языка употребляемаго въ разговорахъ; сіе не можетъ быть иначе, потому что мы сообщаемъ другъ другу мысли свои просто, безъ всякаго пріуготовленія; а когда сочиняемъ книгу, то чемъ она важнѣе, тѣмъ больше сидимъ надъ нею и думаемъ, какъ бы намъ мысли свои объяснить и выразить лучше. Расинъ въ сочиненіяхъ своихъ говорилъ са-

мымъ чистымъ, пріятнымъ, цвѣтущимъ и высокимъ языкомъ, какимъ рѣдкіе писатели говорить могутъ; но языкъ разговоровъ его въ обществѣ или бесѣдѣ былъ безъ сомнѣнія обыкновенной, какимъ и всѣ, или по крайней мѣрѣ многіе говорили. Слогъ или языкъ, которымъ объясняемся мы въ книгахъ, часто не приличенъ бываетъ разговорамъ, а языкъ какимъ объясняемся мы въ разговорахъ, часто не приличенъ бываетъ книгамъ, особливо же требующимъ важнаго и высокаго слога. Въ книгѣ могу я сказать: *гряди Суворовъ, надежда наша, побѣди враговъ*! но естьли бы я въ личномъ моемъ разговорѣ съ нимъ сказалъ ему ето, такъ бы всѣ сочли меня сумасшедшимъ. Въ книгѣ могу я сказать: *звѣздоподобный, златовласый, быстроокій;* но естьли бы я въ бесѣдѣ такимъ образомъ разговаривать сталъ, такъ бы всѣхъ поморилъ со смѣху. Въ книгѣ ни мало не странно, когда любовникъ говоритъ любовницѣ:

Противъ тебя, противъ себя вооружался;
Не зря тебя искалъ, а видя удалялся.

Но какой любовникъ въ комнатѣ станетъ разговаривать такимъ высокимъ слогомъ съ любовницею своею? Арисія въ трагедіи Федрѣ у Расина говоритъ:

*

Et la terre humectée
But à regret le sang des neveux d'Erictée.

Но естьли бы какая нибудь княжна стала окружающимъ ее подобнымъ слогомъ, и съ такимъ же выборомъ словъ, что нибудь расказывать, такъ бы при такомъ краснорѣчіи ея стали всѣ отъ смѣха кусать себѣ губы. Сколько книжной или ученой языкъ страненъ въ разговорахъ общежитія, столько языкъ разговоровъ страненъ въ высокихъ сочиненіяхъ, и недостаточенъ для книгъ, выключая тѣхъ, которыя требуютъ простаго слога. Весьма бы смѣшно было въ похвальномъ словѣ какому нибудь Полководцу, вмѣсто: *Герой! вселенная тебѣ дивится,* сказать: *Ваше Превосходительство, вселенная вамъ удивляется.* Платонова рѣчь на коронацію, Феофановы слова, далеко отстоятъ отъ языка обыкновенныхъ разговоровъ. Въ бесѣдѣ никогда не скажутъ: *Да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдовать твою промыслительную державу.* Сами защитники новаго языка пишутъ книжнымъ же языкомъ, хотя и весьма худымъ. Напримѣръ, никто въ разговорахъ не скажетъ: *Геній исторіи теряетъ дорогу въ землѣ чудесъ,*

или Генїй не смѣетъ взять свѣтильника философїи, и летѣть безъ откровенїя. (Мерк. стр. 176). Это также книжной языкъ, да только смѣшной и не понятной. Книжной языкъ такъ отличенъ отъ языка разговоровъ, что ежели мы представимъ себѣ человѣка, весь свой вѣкъ обращавшагося въ лучшихъ обществахъ, но никогда не читавшаго ни одной важной книги, то онъ высокаго и глубокомысленнаго сочиненія понимать не будетъ: не всѣ Англичане разумѣютъ Мильтона; не всѣ Италіянцы разумѣютъ Петрарка; не всѣ Нѣмцы разумѣютъ Клопфштока; но токмо тѣ, которые много читали книгъ, изострили ими понятія свои, искусились въ ученомъ, книжномъ языкѣ. Вопреки сему часто бываетъ, что человѣкъ пресильной въ книжномъ языкѣ, едва въ бесѣдахъ разговаривать умѣетъ: таковъ сказываютъ былъ Жанъ-Жакъ Руссо. *Я* не знаю, что такое издатель Меркурія разумѣетъ подъ книжнымъ языкомъ, и о какихъ нынѣшнихъ писателяхъ говоритъ онъ, что они хотятъ его уничтожить; но знаю, что хотѣть уничтожить тотъ книжной языкъ, о которомъ я въ книгѣ моей говорю, хотѣть

поравнять его съ языкомъ разговоровъ, хотѣть писать какъ говоримъ и говорить какъ пишемъ, есть тоже что хотѣть поровнять орла съ синицею, или носъ свой съ головою своею. Такія чудеса невѣроятны: скорѣе соглашусь я, что можно изъ листка бумаги построить Соломоновъ храмъ, или изъ Меркурія сдѣлать Иліяду. — Обратимся къ пятой мысли издателя Меркурія. Онъ говоритъ:

„Всякой ли можетъ посвятить 30 лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ ученыхъ. Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію, но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной, всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ.“ — (стран. 182).

По сему не надобно въ молодыхъ лѣтахъ упражняться? не надобно учиться языку своему? не надобно писать хорошихъ сочиненій, ученыхъ книгъ? — На что же трудились Гораціи, Тациты, Монтескюи, Бюфоны, Фенелоны, и другіе многіе? — По

етому надобно писать одни романы, сказочки, басенки, для женщинъ? но и тѣхъ не знавши языка не напишешъ хорошо. Буало говоритъ:

Sans la langue en un mot, l'Auteur le plus divin
Est toujours, quoi qu'il fasse, un méchant Ecrivain.

Анакреонъ и Сафо не умѣли бы, одинъ такъ умно шутить, а другая такъ нѣжно изъявлять любовныя чувства свои, естьлибъ не упражнялись въ чтеніи книгъ, не знали языка своего. Сверьхъ сего почему женщинамъ не могутъ нравиться важныя сочиненія? Умная женщина и ученый мужчина равно могутъ читать съ пріятностію, какъ Душиньку такъ и Телемака. Похвалы и Лавры Делій конечно пріятны, но сочинитель книгъ есть различное существо отъ щоголя или красавца ищущаго нравится женщинамъ, а потому и честолюбіе ихъ должно быть различное: красавцу прилично желать похвалъ отъ *пригожихъ* Делій, но сочинителю нужны рукоплесканія *умныхъ* Делій, умѣющихъ не объ одномъ цвѣтѣ кафтана, но такожъ и о красотѣ сочиненій разсуждать здраво и справедливо, или лучше сказать, ему нуженъ тотъ лавръ,

которой наденутъ на него, не женщины и не мущины, но знатоки, какого бы ни были они пола. Меркурій говоритъ: *лавры изъ рукъ женщины любезной всегда почитаемы были за драгоцѣнную награду.* — По сему довольно для писателя славы, когда онъ понравится своей любовницѣ? Но естьли любовница его худо грамотѣ знаетъ, такъ не смѣшонъ ли онъ будетъ, что надѣтымъ отъ нѣе лавромъ станетъ гордится?

Я не могу надивиться отколѣ такія ложныя понятія объ языкѣ родились въ умахъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ писателей нашихъ, утверждающихъ, что надобно старинный языкъ свой оставить, бросить, осмѣивать, презирать, и на мѣсто онаго переводить, выдумывать новыя выраженія, новыя слова, новыя рѣчи. Пускай не читаютъ они рускихъ книгъ, и потому не могутъ чувствовать ни силы, ни богатства, ни красоты языка своего; но по крайней мѣрѣ, читая французскія книги, могли бы они видѣть, какимъ образомъ знаменитѣйшіе творцы ихъ разсуждаютъ о словесности и о правилахъ языка. Въ какомъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англин-

скомъ, Италіянскомъ писателѣ найдемъ мы что либо подобное ихъ мыслямъ? Возмемъ, напримѣръ, Волтера, и посмотримъ, какъ разсуждаетъ онъ о семъ: при переводѣ извѣстныхъ изъ Шакесперовой трагедіи Гамлета стиховъ: *to be, or not to be,* говоритъ онъ: *„не подумайте, чтобъ я перевелъ здѣсь Англинское изъ слова въ слово; горе тѣмъ рабственнымъ переводчикамъ, которые, гонялсь за каждымъ словомъ, отъемлютъ у мысли силу! Здѣсь-то прилично сказать, что слово убиваетъ, а разумъ животворитъ.“* — (*) Но когда мы старыя выраженія и слова пренебрегать будемъ, то чтожъ останется намъ, какъ не заимствовать ихъ, сирѣчь переводить изъ слова въ слово? Заглянемъ въ книги новыхъ нынѣшнихъ писателей, не вездѣ ли увидимъ мы въ нихъ сей рабословный переводъ? Французъ скажетъ: *y a-t-il une gradation plus marquée?* и мы говоримъ за нимъ: *естьли постепенность означеннѣе сей?* Французъ скажетъ: *quel tableau*

(*) Ne croyez pas que j'aie rendu ici l'Anglois mot pour mot; malheur au faiseurs de traduction littérale, qui traduisant chaque parole énervent le ſens! c'eſt bien là qu'on peut dire, que la lettre tue, et que l'esprit vivifie.

interessant! и мы за нимъ говоримъ: *какая занимательная картина?* Французъ скажетъ: *quel endroit pittoresque!* и мы за нимъ говоримъ: *какое живописательное мѣсто!* сего еще мало; мы пишемъ: *картиннѣе, напряженнѣе, человѣчнѣе,* и тому подобное. Какъ! весь етотъ вздоръ будутъ выдавать мнѣ за *утонченныя понятія,* какихъ предки наши не имѣли; за богатство, за красоту языка, и я не буду етому смѣяться! Не скажу вмѣстѣ съ Волтеромъ: *„несвойственность словъ есть порокъ наиболѣе господствующій въ худыхъ сочиненіяхъ*! (*) или вмѣстѣ съ Фресне-Вокелиномъ, стариннымъ французскимъ писателемъ: *„стихотворецъ! надлежитъ и въ стихахъ, равно какъ и въ прозѣ, отнюдь не забывать великой сладости и чистоты, какихъ языкъ нашъ требуетъ; должно наблюдать всякую ясность, и не смотрѣть на юность смѣлую, кропающую съ вѣтренностію и легкомысліемъ новыя слова!“* (**) Спросятъ: какъ же писать, какъ

(*) L'impropriété des termes eſt le défaut le plus commun dans les mauvais ouvrages.

(**) . . . . Il faut en la prose,
Poëte, n'oublier aux vers aucune chose
De la grande douceur, et de la pureté
Que notre langue veut ſans nulle obscurité:

переводить? въ книгѣ моей, и въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо деревенскаго жителя довольно я о семъ толковалъ: языкъ устанетъ болтать все объ одномъ. Въ другомъ мѣстѣ Волтеръ разсуждая объ языкахъ говоритъ: „*всѣ языки, подобно намъ, не совершенны. Какъ въ языкахъ, такъ и въ законахъ, меньше несовершенные и лучшїе суть тѣ, въ которыхъ меньше самопроизвольнаго.*" — (*) Но когда каждый изъ насъ, прочитавъ романа два три французскихъ, и научась изъ нихъ называть дѣдушекъ своихъ варварами, станетъ поправлять языкъ ихъ премудрыми своими выдумками, то не все ли будетъ въ немъ произвольное, сирѣчь ни на чемъ неоснованное, не складное, не понятное? Волтеръ продолжаетъ: „*лучшїй изъ языковъ долженъ быть тотъ, который вкулѣ и изобильнѣе другихъ, и звучнѣе, и разнообразнѣе въ оборотахъ своихъ, и*

Et ne recevoir plus la jeunesse hardie,
à faire ainsi des mots nouveaux à l'étourdie.
(Art poetique du Fresnaie-Vauquelin).

(*) Toutes les langues ſont imparfaites comme nous. Les moins imparfaites ſont comme les loix: celles dans les quelles il y a le moins d'arbitraire ſont les meilleurs. (Voyez langues, diction. Philosophique).

правильнѣе въ теченіи своемъ; тотъ, въ которомъ больше составныхъ словъ, который произношеніемъ своимъ лучше выражаетъ и тихія и быстрыя движенія души, который походитъ больше на музыку — выраженія музыки зависятъ отъ долгихъ и короткихъ слоговъ." — (*) Всѣ сіи свойства въ превосходномъ степени имѣетъ Славенороссійской нашъ языкъ, которой, какъ говоритъ Меркурій, писатели нынѣшніе уничтожить вознамѣрились. Волтеръ исчисляя недостатки существующіе въ языкахъ, между прочимъ говоритъ: *,,надлежало бы, чтобъ крикъ каждаго животнаго отличался особливымъ словомъ. Не имѣть выраженія означающаго птичій или ребячей крикъ, и называть толь различныя между собою вещи одинакимъ именемъ, есть превеликая скудость языка. Слово vagissement, происходящее отъ Латинскаго vagitus, могло бы весь-*

(*) Le plus beau de tous les langages doit être celui qui eſt à la fois le plus complet, le plus sonore, le plus variè dans ses tours et le plus regulier dans ſa marche; celui qui a le plus de mots composés, celui qui par ſa prosodie exprime le mieux les mouvemens lens ou impetueux de l'ame, celui qui ressemble le plus à la musique. — L'expression de la musique depend des syllabes longues et brèves.

ма хорошо выражать вопль младенца въ колыбели." — (*). Защитники чужеязычія, которые говорятъ: *,,по чему французскія слова не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. — Французы приняли слова Греческія, Латинскія, и даже Италіянскія. — По чему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали?* и проч." (Мерк. стран. 165). — Защитники, говорю, чужеязычія, прочитавъ сіе, скажутъ: вотъ и Волтеръ велитъ брать слова изъ другаго языка! сочинитель сихъ примѣчаній *самъ на себя подаетъ оружіе!* (Мерк. стран. 168) — Господа защитники не такъ понимаютъ вещи, какъ ихъ понимать должно. Италіянской и Француской языки суть дѣти Латинскаго языка: дѣтямъ сродно заимствовать отъ отца, поелику главную часть первообразныхъ словъ и понятій своихъ получили они отъ него. О томъ самомъ и я

(*) Il faudrait que le cri de chaque animale eût un terme qui le distingât. C'eſt une disette insupportable de manquer d'expression pour le cri d'un oiseau, pour celui d'un enfant; et d'appeler des choses si différentes du même nom. Le mot de *vagissement*, dérivé du latin *vagitus*, aurait exprimé très-bien le cri des enfans au berceau.

въ книгѣ моей толкую, что должно производить и почерпать слова отъ корня и отъ источника оныхъ. Волтеръ здѣсь не токмо согласно съ мнѣніемъ моимъ говоритъ, но еще бóльшаго требуетъ, чемъ я: ибо хотя Французской языкъ и происходитъ отъ Латинскаго, однако же не такъ близокъ къ оному, какъ нашъ Россійскій къ Славенскому, между которыми даже никакаго существеннаго раздѣленія полагать не можно. И такъ, когда знаменитый писатель сей, будучи Французомъ, велитъ, для обогащенія языка своего, почерпать слова изъ Латинскаго, довольно уже отдаленнаго отъ нихъ языка; то какъ же, будучи рускимъ, не велѣлъ бы онъ намъ почерпать словъ изъ ближайшаго къ намъ и природнаго языка нашего Славенскаго? Что касается до Греческихъ словъ, то хотя нѣкоторыя и вошли изъ нихъ во Французской языкъ, чрезъ Латинскій; однако же Французы никогда не испещряли ими слога своего. Было время, когда нѣкоторые писатели ихъ, какъ то Ронсаръ и другіе, привязываясь къ Греческому языку, такъ точно, какъ мы къ Французскому, писали:

Ah! que je fuis marry que ma Muse Françoise
Ne peut dire ces mots comme fait la Grégeoise:
Ocymore, Dyspotme, Oligochronien'
Certes, je les dirois du sang Valésien.

Но за то Буало смѣялся надъ такимъ языкомъ ихъ, и обличалъ странность онаго симъ Ронсаровымъ стихомъ, которой написалъ онъ въ Сонетѣ къ своей любовницѣ:

Etes vous pas ma seule Entelechie? Ἐντελέχεια (âme)

Сколько бы нашихъ стиховъ съ *Геніями* и *Гармоніями* сдѣлались похожими на сіи Француские стихи съ *Ентелехіями* и *Олигохроніями*, естьлибъ у насъ былъ Буало! Впрочемъ Волтеръ справедливо жалуется на скудость языка своего; но естьли бы онъ былъ Россійскій писатель, то не имѣлъ бы никакой причины жаловаться: у насъ есть слова выражающія разные крики животныхъ. Мы говоримъ: лѣвъ рыкаетъ, медвѣдь реветъ, лошадь ржетъ, лисица лаетъ, собака брешетъ, овца блеетъ, свинья визжитъ, боровъ хрюкаетъ, корова мычитъ, кошка мяучитъ, гусь гогочетъ, утка квакаетъ, кукушка кукуетъ, воробей чиркаетъ, соло- свищетъ. — кенарейка = вей поетъ, кузничикъ цикаетъ, и почти для каждаго крика животнаго найдемъ осо-

ὠκύμορος, qui doit mourir promptement
ὀλιγοχρόνιος, qui dure peu
δύσποτμος, malheureux.

бливое названіе. Мы даже беременность многихъ животныхъ словами своими различать можемъ: овца суягна, корова стѣльна, свинья супороса, сука щонна, и проч. Волтеръ говоритъ: *,,невѣжество ввело другое употребленіе во всѣ новѣйшіе языки. Многіе слова перемѣнили свое знаменованіе. Idiot значило пустынника, нынѣ значитъ дурака; Epiphanie значило поверхность, нынѣ значитъ крещеніе.‘‘* — (*) Не то ли же самое и съ нами дѣлается? Можемъ ли мы вникать въ силу и знаменованіе словъ своихъ, когда станемъ отъ корня языка своего удаляться? не впадемъ ли мы наконецъ въ совершенное неразумѣніе другъ друга, когда однѣ и тѣжъ самыя слова одинъ изъ насъ будетъ употреблять въ настоящемъ Рускомъ, а другой во Французскомъ знаменованіи? Руской человѣкъ говорить будетъ: *занимать деньги*, а полуруской скажетъ: *деньги есть вещь занимательная*, и

(*) L'ignorance a introduit un autre usage dans toutes les langues modernes. Mille termes ne signifient plus ce qu'ils doivent signifier. *Idiot* voulait dire *solitaire*, aujourd'hui il veut dire *sot*; *Epiphanie* signifait *superficie*, c'est aujourd'hui la fête des trois rois.

ето по его значить будетъ *приманчивая*. Руской говорить станетъ: *не трогай моей книги*, а полуруской скажетъ: *какая ето трогательная книга!* Для чего же третьему, услыша етотъ новой языкъ, не говорить: *я хочу идти въ садъ, взять воздухъ, для того что время очень гулятельно?* Меркурій говоритъ обо мнѣ: *,,сочинитель разсужденія о слогѣ не любитъ даже настоящихъ рускихъ словъ, естьли нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ.''* — Меркурій воленъ толковать меня по своему; мысли его ко мнѣ не прильнутъ, когда онѣ не мои. *Водопадъ, водометъ*, суть рускія слова, хотя бы ихъ и не было въ старинныхъ книгахъ; но *означенный, исколодязить, прописанный*, (marqué, epuiser, proscrit), не будутъ никогда рускими словами.

Естьлибъ вмѣсто иностранныхъ словъ *горизонтъ, атитюдъ, алея*, приняли мы рускія слова: *обзоръ, постава, омѣна* (*), и ввели бы

(*) Слова *постава, омѣна*, хотя не точно соотвѣтствуютъ французскимъ словамъ *attitude, allée*, однако близкое къ нимъ знаменованіе имѣютъ: *не прельщайся лѣпотою и поставою, и прекраснымъ лицемъ: удобь бо сокрушаемо и изчезновенно есть*. (Алф. дух. л. 28). Здѣсь *постава*

ихъ въ употребленіе, такъ какъ введены слова *водопадъ* и *водометъ*, истребившія чужія названія *каскадъ* и *фонтанъ;* естьлибъ, гово-

---

соотвѣтствуетъ больше Французскому слову *taille*, нежели слову *attitude;* но поелику слово *taille* весьма хорошо изображаемъ мы словомъ *станъ*, того ради *постава*, сообразуясь съ знаменованіемъ глагола *поставить*, совершенно можетъ выражать понятіе заключающееся въ словѣ *attitude*. Чтожъ принадлежитъ до слова *омѣна* или въ множественномъ *омѣны*, то въ притчахъ Соломоновыхъ (гл. 7. ст 25) находимъ мы: *нынѣ же сыне мой послушай мене, и внимай глаголы устъ моихъ, да не уклонится въ пути ея* (прелестницы) *сердце твое, и да не прельстишися въ омѣнахъ ея.* (dans ses sentiers, фран. auf ihren steigen, нѣм.). Ясно, что слово *омѣны* значитъ здѣсь пути, стези, дорожки. Сіи дорожки вопервыхъ долженствуютъ быть прекрасныя, веселыя, поелику ходитъ по онымъ женщина, любящая наслаждаться утѣхами жизни, и притомъ увѣщеваніе *да не прельстишися ими* даетъ о нихъ сіе понятіе; во вторыхъ по производству слова сего должно заключать, что онѣ суть короткія, часто прерывающіеся или *мѣняющіеся*. И такъ разумъ ни съ какой стороны не препятствуетъ принятію и распространенію, или паче возобновленію знаменованія сихъ словъ.

рю, мы шакимъ образомъ старались опъискивать, опредѣлять слова, и распространять знаменованіе оныхъ, тогда бы конечно языкъ нашъ обогащался; но обогатится ли онъ *трогательностями, описывательностями, занимательностями, развивательностями, живописательностями, картинностями, гармонированіями, вдыхательностями, вливательностями въ себя*, и прочими сему подобными выраженіями, которыя называемъ мы *силою, остроуміемъ, мыслями, чувствованіями, цвѣтами поэзіи*, и которыя гораздо прилѣчнѣе назвать самыми сильнѣйшими средствами къ отвращенію отъ чтенія писанныхъ симъ складомъ книгъ. Доказывать трудно, а злословить легко. — Но обратимся паки къ Волтеру. Онъ продолжаетъ: ,,*хорошіе писатели стараются всѣми силами опровергать худыя выраженія, невѣжествомъ распространяемыя, и которыя, чрезъ частое отъ несмысленныхъ писателей употребленіе, появляются наконецъ въ вѣдомостяхъ и общенародныхъ писаніяхъ. — Другое слѣдствіе неправильности сихъ языковъ, составившихся случайно въ грубыя времена, есть множество сложныхъ именъ, простаго имени не имѣющихъ. Это дѣти потерявшіе своихъ отцевъ. Мы имѣемъ architraves, и не имѣемъ traves; есть у насъ architectes, и нѣтъ tectes; есть soubassement, и нѣтъ bassement; есть inef-*

fables, *и нѣтъ éffables; есть intrépide, и нѣтъ trépide; есть impotent, и нѣтъ potent; есть inépuiſable, и нѣтъ puiſable.* *Мы говоримъ impudens, inſolens, и не можемъ сказать ни pudens, ни ſolens; nonchalant значитъ лѣнивый, а chalant покупающій.*" — (*) Сіе Волтерово разсужденіе весьма справедливо; но укоризна его не столько обвиняетъ французовъ, сколько насъ рускихъ. Францускія простыя въ сложныхъ словахъ заключающіеся имена можетъ быть издавна вышли изъ употребленія, такъ что ни въ

(*) Les bons écrivains sont attentifs à combattre les expressions vicieuses que l'ingorance du peuple met d'abord en vogue, et qui, adoptées par les mauvais auteurs, passent ensuite dans les gazettes et dans les écrits publics. — Un autre effet de l'irrégularité de ces langues composées au hasard dans des temps grossiers, c'eſt la quantité de mots composés dont le simple n'exiſte plus. Ce sont des enfans qui ont perdu leur père. Nous avons des *architraves* et point de *traves*, des *architectes* et point de *tectes*, des *ſoubaſſemens* et point de *baſſemens;* il y a des choses *ineffables* et point d'*effables*. On eſt *intrépide*, on n'eſt pas *trépide: impotent*, et jamais *potent;* un fond eſt *inépuiſable*, sans pouvoir etre *puiſable*. Il y a des *impudens*, des *inſolens*, mais ni *pudens*, ni *ſolens: nonchalant* signifie *pareſſeux*, et *chalant* celui qui achete.

какихъ старинныхъ книгахъ ихъ находить оныхъ уже не можно; а потому писатели ихъ виноваты тѣмъ только, что не старались вновь дать имъ знаменованіе и ввести въ употребленіе. У насъ со всемъ не то. Слова сіи и по нынѣ въ старинныхъ книгахъ нашихъ существуютъ; но мы, новѣйшіе писатели, не читая книгъ сихъ, не токмо слова сіи бросаемъ, не токмо отстаемъ отъ нихъ, да еще и многія другія, самыя знаменательныя, по не знанію силы въ нихъ, также бросить хотимъ. Напримѣръ существительное имя *дѣтель* и глаголъ *дѣтельствовать*, нынѣ иначе неизвѣстны намъ, какъ въ словахъ *добродѣтель*, *благодѣтельствовать*; но въ священныхъ книгахъ имѣютъ они сами по себѣ свое знаменованіе: *Господи, не смущенъ помыслъ раба твоего соблюди, и всю сатанину дѣтель отжени отъ мене.* Или: *Владыко сый по существу, соединився рабомъ плотію, и видѣнъ былъ еси, намъ дѣтельствуя различное спасеніе Христе.* (мин. общ. л. 6). Мы неупотребляемъ нынѣ словъ *ядца* или *ядецъ*, *пійца* или *ливецъ*, иначе какъ въ словахъ *плотоядецъ*, *кровопійца* или *кровоцивецъ*; но во многихъ мѣстахъ священнаго писанія ихъ находимъ: *Аще же яси и піеши, возглаголютъ на Тя, яко сей человѣкъ*

ядца и пїйца есть, другъ мытаремъ и грѣшникомъ. (Ифика. л. 96). Для чего бы и нынѣ въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ не сказать: *гнусенъ есть ядца плоти себѣ подобнаго?* или: *бездушенъ есть пїйца крови своего ближняго?* Во многихъ случаяхъ словъ сихъ не можемъ мы замѣнить другими: слѣдовательно онѣ надобны. При томъ же слова сїи суть собственныя наши и не имѣютъ въ себѣ ничего безобразнаго: слѣдовательно никакому вкусу, никакому разуму, никакому уху, не могутъ или не должны быть противны, кромѣ развѣ тѣхъ вкусовъ, разумовъ и ушей, которыя отъ всего того отвращаются, что только звенитъ по руски. Обратимся опять къ Волтеру. Онъ продолжаетъ: „*Все согласуется портить языкъ нѣсколько обширный; писатели искажающїе слогъ свой ложными украшенїями; тѣ, которые пишутъ въ чужихъ земляхъ, и примѣшиваютъ всегда къ природному языку своему нѣчто чужеязычное; чужестранные острякп, которые, не зная употребленїя, вмѣсто: сей князь хорошо воспитанъ, или имѣлъ хорошее воспитанїе, говорятъ: сей князь получилъ хорошую воспитанность.*" — (*)

(*) Tout conspire à corrompre une langue un peu etendue; les auteurs qui gatent le ſtyle par affectation;

Волтеръ жалуется здѣсь на искаженіе языка своего живущими въ чужихъ земляхъ, и чужестранными писателями, приводя въ доказательство тому одинъ только примѣръ; но сколько же тысячь таковыхъ примѣровъ найдемъ мы въ новыхъ нашихъ книгахъ, и сколько у насъ есть такихъ писателей, которые не выѣзжая никуда изъ Россіи пишутъ не по руски? Волтеръ продолжаетъ: *,,изъ того, что всякой языкъ не совершенъ, не слѣдуетъ, что должно перемѣнить оный: надлежитъ непремѣнно держаться того, какъ хорошіе писатели говорили, и когда есть достаточное число доброхвальныхъ писателей, тогда языкъ утвержденъ. Сего ради не можно ничего перемѣнить ни въ Италіянскомъ языкѣ, ни въ Гишпанскомъ, ни въ Англинскомъ, ни во Французскомъ, безъ того, чтобъ не испортить оныхъ. Причина сему весьма очевидна: ибо книги, которыя служатъ къ наставленію и удовольствію народовъ, вскорѣ сдѣла-*

---

ceux qui ecrivent en pays etranger, et qui melent presque toujours des expressions etrangères à leur langue naturelle; les beaux esprits des pays etrangers qui ne connoissant pas l'usage vous disent qu'un jeune prince a été très bien *éduqué*, au lieu de dire qu' il a reçu une bonne education.

ются не вразумительны." — (*) Похожи ли сіи Волтеровы разсужденія на тѣ, что надобно двѣ трети языка своего бросить, и коренную силу и богатство его замѣнить новымъ никому не вразумительнымъ чужесловіемъ? Кажется при таковыхъ умствованіяхъ Волтеръ прочитавъ книгу мою о старомъ и новомъ слогѣ не сталъ бы, такъ какъ Меркурій, осмѣивать меня, для чего желающимъ писать совѣтую я упражняться больше въ чтеніи Славенскихъ книгъ. Правда, что Волтеръ можетъ быть и не умѣлъ такъ хорошо разсуждать объ искуствѣ языка своего, какъ издатель Московскаго Меркурія!

Меркурій говоритъ про меня, что я съ удивительнымъ терпѣніемъ разсмотрѣлъ нѣсколько сотенъ дурныхъ фразъ: разсмо-

---

(*) Toute langue étant imparfaite, il ne s'ensuit pas qu'on doive la changer. Il faut absolument s'en tenir à la maniere dont les bons auteur l'ont parlée; et quand on a un nombre suffisant d'auteurs approuvés, la langne eſt fixée. Ainſi on ne peut plus rien changer à l'Italien, à l'Espagnol, à l'Anglois, au Français, sans le corrompre. La raison, en eſt claire, c'eſt qu'on rendroit bientôt intelligibles les livres qui font l'inſtruction et le plaiſir des nations.

шримъ и здѣсь съ шѣмъ же удивишельнымъ шерпѣніемъ еще нѣсколько сошенъ изрыгнушыхъ прошивъ книги моей несправедливыхъ его шолковъ и обвиненій. Онъ на сшран. 189 говоришъ:

,,*Всего непріятнѣе видѣть фразы господина Карамзина, перемѣшанныя въ сей книгѣ съ фразами ученическими, и писателя, которому наша словесность такъ много обязана, поставленнаго на-ровнѣ съ другими. По щастію всеобщее и отличное къ нему уваженіе, котораго онъ ежедневно получаетъ новыя доказательства, не зависитъ отъ мнѣнія одного человѣка. Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи рускаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ публика. Сочинитель разсужденія о слогѣ думаетъ иначе: но противурѣча мнѣнію всеобщему, надлежало кажется говорить не столь утвердительно; надлежало вспомнить, что одинъ человѣкъ можетъ ошибиться; а тысячи, когда судятъ по вещамъ очевиднымъ, рѣдко ошибаются. Г. Карамзинъ сдѣлался извѣстнымъ всему ученому свѣту; его сочиненія переведены на разные языки, и приняты вездѣ съ величайшею похвалою: какъ патріоты, мы должны бы радоваться славѣ, которую соотечественникъ нашъ пріобрѣтаетъ у народовъ чужестранныхъ, а не стараться затмить ее!*" —

Что ошвѣчашь на сіе Цицероново за Архія слово? Кшо усшоишъ прошиву силы

сего неоспоримаго доказательства: *мы, издатель Московскаго Меркурія, такъ думаемъ, слѣдовательно и вся публика, весь свѣтъ, такъ думаетъ?* Чемъ опровергнуть сей неопровергаемый доводъ: *Сочинитель разсужденія о слогѣ не можетъ судить по вещамъ очевиднымъ, и потому ошибается; а я, издатель Московскаго Меркурія, сужу по вещамъ очевиднымъ, и потому не ошибаюсь?* Какое логическое заключеніе можетъ быть справедливѣе сего: *сочинитель разсужденія о слогѣ одинъ; а я, издатель Московскаго Меркурія, хотя одинъ же, однако именемъ многихъ тысячь человѣкъ, именемъ всѣхъ славныхъ и великихъ нынѣшнихъ писателей, именемъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, именемъ всего ученаго свѣта, утверждаю, что онъ противурѣчитъ всеобщему мнѣнію, и что книга его никуда негодится?* Оставимъ сіи яснѣйшія солнца истинны, и скажемъ только о томъ, о чемъ необходимо сказать должно. Меркурій упоминаетъ здѣсь о господинѣ Карамзинѣ, котораго я лично не имѣю чести знать, и какъ сочинитель самъ не есть сочиненная имъ книга, то, по долгу уваженія къ именамъ людей, и не считалъ бы я себя въ правѣ входить о немъ въ какія либо разсужденія или толки, естьли бы не вынужденъ къ тому былъ издателемъ Меркурія, которой говоритъ, что я

фразы сего писателя поставилъ на-ровнѣ съ фразами ученическими. Я нигдѣ въ книгѣ моей не говорилъ о господинѣ Карамзинѣ, и не только ни кого не назвалъ въ ней по имени, но даже и о заглавіи тѣхъ книгъ, изъ которыхъ выбиралъ я несвойственныя языку нашему рѣчи, отнюдь неупомянулъ. Слѣдовательно съ моей стороны самымъ строжайшимъ образомъ соблюдена была вся возможная скромность. Чтожъ принадлежитъ до того, что издатель Меркурія укоряетъ меня, для чего я рѣчи сіи напечаталъ, поставляя мнѣ въ вину, что хотя о сочинителяхъ ихъ и не сказано, однако *всякой изъ нихъ узнаетъ свои*, то во первыхъ, естьли бы я сего не сдѣлалъ, такъ бы мнѣ и доказательствъ моихъ составить было не изчего, и книга моя не могла бы существовать, поелику вся цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ прилѣпляясь къ чужому языку, и удаляясь отъ своего собственнаго, портимъ мы оный. Во вторыхъ, читая журналы, я не обязанъ справляться, чья эта сказочка, или чья эта пѣсенка; да хотя бы въ заглавіи книги и поставлено было имя сочинителя,

то и тогда не имя его за книгу, но книга сама за себя отвѣчать долженствуетъ. Пускай въ сочиненіяхъ моихъ находятъ погрѣшности противъ чистоты слога и языка; я радъ буду, когда кто меня въ томъ поправитъ. Вздорному и не смысленному сужденію я смѣяться стану, но справедливое и дѣльное приму съ благодарностію (*).

(*) Издатель Меркурія на страницѣ 192 говоритъ: „*пускай другіе хвалятъ критику; а по нашему критика есть дѣло весьма не пріятное! мы сами не одинъ разъ жалѣли, что принялись за сей журналъ. Не одинъ разъ думали: какая надобность была огорчать людей, можетъ быть добрыхъ и почтенныхъ? какая надобность была искать славы Фрерона, котораго имя Волтеръ умѣлъ сдѣлать обиднымъ?*“ --- Издатель Меркурія раскаивается здѣсь и спрашиваетъ, какая надобность была ему искать славы Фрерона; но кто же объ етомъ можетъ лучше знать, какъ не онъ самъ? Впрочемъ мнѣ кажется ни какіе Волтеры не могли бы дѣлать людей Фреронами, когда бы не сами они сочиненіями своими дѣлали себя таковыми. Благонамѣренное разсматриваніе книгъ и замѣчаніе погрѣшностей для извлеченія изъ того пользы, есть отнюдь не предосудительное дѣло, и не долженствующее ни кого огорчать. Волтеръ разсма-

И такъ естьли въ вышеупомянутыхъ собранныхъ въ книгѣ моей примѣрахъ и попались нѣкоторыя рѣченія господина Карамзина, то хотя я и весьма о томъ сожалѣю, однакожъ надѣясь на благосклонность моихъ читателей, въ томъ числѣ и на самаго господина Карамзина, естьли онъ удостоитъ меня прочитать, уповаю, что не всѣ они, согласно съ издателемъ Московскаго Меркурія, поставятъ мнѣ это въ такое преступленіе, какъ будто бы оскорбилъ я нѣчто священное, и не достоинъ уже, чтобъ земля меня носила. Самъ издатель Мерку-

---

тривая Корнелія сдѣлалъ великую услугу упражняющимся въ стихотворствѣ. Лонгинъ выписывалъ многія мѣста изъ Греческихъ писателей, для показанія хорошихъ и худыхъ примѣровъ. Естьли бы и у насъ кто, съ проницательнымъ умомъ и хорошимъ въ языкѣ своемъ знаніемъ, взялся разсмотрѣть сочиненія Ломоносова или Сумарокова, то принесъ бы не малую услугу нашей словесности. И такъ судить о книгахъ позволяется; но клепать на сочинителя, переворачивать его слова съ умысломъ, дабы дать имъ иной смыслъ, иной толкъ: вотъ это не позволительно и есть дѣло наемныхъ писателей, фероновъ.

рія, говоря о Ломоносовѣ, ссылается на стихъ:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

По чему же не могу я сослаться на тотъ же стихъ, говоря о господинѣ Карамзинѣ? Я самъ нахожу слогъ его пріятнымъ и многія мѣста въ сочиненіяхъ его читаю съ удовольствіемъ, но естьли бы въ иныхъ и не былъ я съ нимъ согласенъ, такъ изъ сего не слѣдуетъ еще кричать на меня: *какъ ты осмѣлился найти нѣчто худое въ писателѣ, извѣстномъ всему ученому свѣту! ты одинъ, а насъ тысячи! наше мнѣніе есть мнѣніе всеобщее!* --- Государи мои! сколькобъ васъ ни было, сотни или тысячи, но въ словесности дѣла рѣшатся не по числу голосовъ (*). Я не знаю

(*) Въ книгѣ моей называю я нынѣшними писателями худыхъ писателей, которые безобразятъ слогъ свой новымъ доселѣ неслыханнымъ чужеязычіемъ, какъ и самъ Меркурій говоритъ, что у насъ ихъ много. Прочіе же писатели, которые украшаютъ нынѣ словесность нашу, потому нейдутъ подъ сіе названіе, что они пишутъ обыкновеннымъ чистымъ и хорошимъ рускимъ слогомъ. И такъ я не знаю почему то, что я говорилъ о худыхъ писателяхъ, го-

сдѣлалъ ли господинъ Карамзинъ эпоху въ исторіи рускаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ, и что мы наполняя слогъ свой чужеязычіемъ, не токмо отъ истиннаго краснорѣчія удаляемся, но и совсемъ не вразумительны становимся. Меркурій говоритъ обо мнѣ, что я *нѣсколько сотенъ дурныхъ фразъ разсмотрѣлъ съ удивительнымъ терпѣніемъ*, но сіи *дурныя* фразы выбралъ я изъ разныхъ сочиненій, и естьли

сподинъ Меркурій *съ товарищи* относитъ къ себѣ, и словно какъ бы ихъ было особливое какое гнѣздо, или рой пчелъ съ маткою, говоритъ вездѣ въ множественномъ числѣ: *насъ тысячи! мы хотимъ сочинять фразы! хотимъ производить слова:* Я ни кому не запрещаю, и запретить не могу, сочинять фразы и производить слова съ Французскаго, съ Греческаго, съ Арапскаго языка, съ какова кто хочетъ; но почему же запрещается мнѣ говорить о сихъ фразахъ и словахъ? Мастерскія ли онѣ, или ученическія, но когда худы, такъ худы. On sera ridicule, et je n'oserai rire! говоритъ Буало.

бы взялъ на себя еще больше терпѣнія, такъ бы могъ показать нѣсколько сотенъ книгъ, писанныхъ такимъ же языкомъ, и наполненныхъ такими же фразами. Меркурій говоритъ: *ето доказываетъ только, что у насъ много дурныхъ писателей, въ чемъ никто еще не сомнѣвался.* --- Не дурныхъ, но худыхъ; слово *дуренъ* относится больше къ лицу. — Да худыхъ-то отъ того много, что они, не различая хорошаго слога отъ худаго, подражаютъ худому и щеголяютъ чужеязычіемъ. Тѣ же бы самые писатели были хороши, естьли бы они по больше въ языкѣ своемъ упражнялись, и узнали бы настоящую его силу и красоту. Но къ чему распространяюсь я о томъ, что само по себѣ такъ ощутительно и очевидно? Впрочемъ господинъ Меркурій напрасно меня винитъ, будто я стараюсь затмить славу господина Карамзина. Я ни чьей славы затмевать не хочу; а желаю общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего. Я радъ вмѣстѣ съ Меркуріемъ восклицать, что *бѣдная Лиза* написана хорошимъ и пріятнымъ слогомъ (*); но же-

(*) Издатель Меркурія говоритъ о сей сказочкѣ: „красавицы двадцать третьяго вѣка не ста-

лалъ бы, чтобъ пріятность слога въ таковыхъ сказочкахъ сопряжена была съ пользою нравоученія, съ насажденіемъ благонравія, и чтобъ худыя правила не назывались въ нихъ благовоспитанностію. *Наталья боярская дочь* (не знаю чьего она сочиненія, да и начто мнѣ знать ето?) есть также легкимъ слогомъ написанная сказочка, но я бы вырвалъ ее изъ рукъ дочери моей, естьлибъ она читать ее стала: ибо весьма вѣрю сему, что *тлятъ обычаи благи, бесѣды злы.*

Я не стану говорить здѣсь о разбираніи достоинства слога моего: о томъ, что издатель Меркурія изъ множества приведенныхъ мною худыхъ рѣченій защищаетъ только одно: *когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей.* (*) — о томъ, что я

нутъ можетъ быть искать могилы *бѣдной Лизы*; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ, и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: *онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!*"

(*) Меркурій говоритъ: *безъ всякаго сомнѣнія можно путешествіе назвать потребностію души:*

окончаніе стиховъ Сумарокова въ разныхъ мѣстахъ повторилъ три раза. — о томъ, что приложенное при концѣ книги моей письмо отъ защитника Французскаго языка

тѣло имѣетъ потребности физическія, а душа моральныя. Господинъ защитникъ не то защищаетъ, что надобно: это и безъ него всякъ знаетъ; но выраженіе: *путешествіе сдѣлалось потребностію души моей*, по связи, по обороту своему есть столь же худое и не свойственное языку нашему, какъ бы кто сказалъ: *при такомъ жестокомъ холодѣ теплая горница сдѣлалась потребностію тѣла моего.* Меркурій говоритъ, что *единое изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*, есть тоже, что *единое изъ желаннѣйшихъ желаній моихъ*. Не правда, господинъ Меркурій! вожделѣніе значитъ нѣчто болѣе, чемъ желаніе: и потому *единое изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*, есть точно тоже, какъ бы сказано было: *единое изъ любезнѣйшихъ, изъ пріятнѣйшихъ желаній моихъ*. Возносливость есть почти тоже что гордость, однако же нѣгдѣ о порокѣ пьянства прекрасно сказано: *растетъ въ возносливыхъ гордость, злоба въ завистныхъ, въ жестокихъ лютость.* Дабы умѣть разсматривать чужія сочиненія, надобно знать силу языка своего.

не принесетъ мнѣ славы (*). о томъ, что рѣчь мою: *хотя уже и прежде васъ большею частїю нынѣшнихъ писателей, въ разсужденїи страннаго слога ихъ, былъ я не доволенъ,* нынѣшнїе писатели сказали бы *какъ нибудь* яснѣе. (**) — о томъ, что другую рѣчь мою: *всѣ сїи, требующїя великаго упражненїя, искусства въ языкѣ и размышленїя, трудности, а притомъ и малыя способности мои, не позволили сдѣлать мнѣ лучшаго и пространнѣйшаго словарю сему опыта,* надобно не одинъ разъ прочитать, дабы ее понять. (***) - о томъ, что въ словахъ моихъ: *мысль его на его языкѣ хороша,* два раза сказано *его.* — о томъ, что вмѣсто *работы* поставлено *работу,* и проч. и проч. — Благодарю господина Меркурїя за поправленїе нѣкоторыхъ опечатокъ въ книгѣ моей, и обѣщаю ему, что

(*) Можетъ быть оно не хорошо по той же самой причинѣ, по какой зеркало худо для не пригожихъ женщинъ.

(**) Слова *какъ нибудь* не ясно ли доказываютъ, что рѣчь нынѣшнихъ писателей гораздо лучше моей? Какой читатель не повѣритъ толь сильному доказательству.

(***) Меркурїй полагаетъ заключающуюся въ сей рѣчи моей не ясность въ томъ, что сказано *сдѣлать мнѣ,* а не *мнѣ сдѣлать.*

впредь буду осторожнѣе смотрѣть за наборщиками. — Пропустимъ также разныя сдѣланныя мнѣ наставленія. Пропустимъ укоризны, что я осуждая употребленіе иностранныхъ словъ пишу самъ: *единоцентренный, метафорическій, текстъ, проза,* и проч. (*) Пропустимъ толкованіе о словахъ и о томъ, что нѣмецкое слово *кучеръ* сдѣлалось пребогатымъ Россійскимъ словомъ (**). Про-

---

(*) О техническихъ и вообще объ иностранныхъ словахъ говорилъ я довольно пространно въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо Кадомскаго или деревенскаго жителя. См. отъ стран. 46 по 73.

(**) Издатель Меркурія между прочими о словахъ толкованіями на стран. 168 говоритъ: *вмѣсто вліянія онъ* (сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ) *велитъ писать наитствованіе, вмѣсто развитія прозябеніе понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу: но чемъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? кто знаетъ не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? какая старинная грамматика рѣшитъ сей вопросъ?* — Всякой рѣшитъ вопросъ сей и прочитавъ книгу мою скажетъ: въ ней ясно выведено, что слова *наитствованіе* и *прозябеніе* точно въ тѣхъ смыслахъ употреблялись, въ какихъ употребляются нынѣ слова

пустимъ и другое многое: ибо наскучитъ поднимать всякую соринку тамъ, гдѣ ихъ много на полу валяется. Остановимся на слѣдующемъ главномъ обвиненіи, на томъ, которое понудило меня написать сіи мои примѣчанія. Издатель Меркурія на стран. 170 говоритъ:

влїянїе и *развитїе*, переведенныя съ французскихъ словъ influance и développement. Оставлять собственныя свои слова, и вмѣсто ихъ выдумывать новыя переводныя съ чужаго языка, есть не обогащеніе, но порча языка своего. Тѣ самыя понятія, которыя давно уже въ старинныхъ книгахъ нашихъ существуютъ, называть *утонченными* и *новыми* для того только, что мы книгъ своихъ не читаемъ и не знаемъ языка своего, есть невѣжество. Утверждать, что общій вкусъ состоитъ не въ здравомъ разсудкѣ, но въ привязанности къ слову *влїянїе* или *наитствованїе*, есть утверждать нѣчто странное. Дѣлать вопросъ: *чемъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе?* есть не знать о чемъ спрашиваешъ; ибо по етому можемъ мы и всѣ слова языка нашего перемѣнять, утверждаясь на томъ, что мы умнѣе тѣхъ, которые прежде ихъ выдумали. --- Вотъ что скажетъ благоразумный читатель, прочитавъ книгу мою и возраженіе на оную господина Меркурія.

„Не уже ли сочинитель для удобнѣйшаго возстановленія старинного языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ старинным??..... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли: однакожъ, что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, читая (стран. 317): „Народъ, которой все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя, и теряетъ собственное свое достоинство?"

Прежде нежели я объясню свой образъ мыслей и тотъ, которой въ сей сдѣланной мнѣ укоризнѣ заключается, примѣтимъ, что господинъ Меркурій, выписывая изъ книги моей слова, всегда пропускаетъ то, къ чему я ихъ сказалъ. Онъ не ошибается думая: *такимъ образомъ могу я удобнѣе дать имъ свой толкъ*. Но вѣдь книга моя напечатана, можно въ нее заглянуть и справиться. Я разсуждая въ ней о воспитаніи дѣтей нашихъ иностранцами, именно опредѣляю, какое воспитаніе почитаю я хорошимъ и какое худымъ. Вотъ что я въ разныхъ мѣстахъ книги моей о семъ говорю въ пер-

вомъ мѣстѣ: *Подъ именемъ воспитанія разумѣю я больше полезный отечеству духъ, нежели ловкое тѣлодвиженіе*, (стран. 316). Кажется полезный отечеству духъ не есть невѣжество. — Во второмъ мѣстѣ: *Когда мы сближились съ чужестранными народами, а особливо съ Французами, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочные ихъ обычаи, наружные виды, тѣлѣсныя украшенія, и часъ отчасу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся пѣть рускую пѣсню, и проч. (стран. 351).* Кажется и здѣсь желать, чтобъ мы украшались полезными знаніями, а не постыднымъ заимствованіемъ пустыхъ и посмѣянія достойныхъ вещей, не есть желать зла и невѣжества. — Въ третьемъ мѣстѣ: *Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ неможетъ безъ нѣкотораго вреда воспитать чужой земли юношу, то какой же произведутъ вредъ множество таковыхъ воспитателей, изъ коихъ главная часть со-*

стоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей (*)? *Съ нравственностїю не то дѣлается, что съ естественностїю: курица высиженная и вскор-*

(*) Издатель Меркурія дѣлаетъ мнѣ превеликіе упреки за сіе, по мнѣнію его, гнѣва небесъ достойное выраженіе, сказанное, какъ онъ говоритъ, мною на счетъ иностранцевъ, а болѣе на счетъ Французовъ, здѣшнихъ учителей. Но онъ забылъ, что это не мои слова, а бывшаго здѣсь при посольствѣ, въ царствованіе Государыни ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, Француза Мессалье, изъ котораго въ книгѣ моей приложена выписка. Меркурій вопіетъ: „*жаль, что мы, любя хвалиться гостепрїимствомъ, позволяемъ себѣ огорчать безъ надобности людей, которыхъ сами вызвали, приняли, обласкали; которые живутъ здѣсь подъ защитою Правительства и законовъ, полагая не только жизнь, но и честь свою въ безопасности у народа дружественнаго.*" Что слово, то неправда. Во первыхъ ни чья здѣсь честь не оскорбляется. Благоразумные и честные Французы сами съ мнѣніемъ моимъ согласны: свидѣтельствуютъ въ томъ вышепомянутый Мессалье, и всѣ тѣ, съ которыми мнѣ самому разговаривать случалось. Во вторыхъ, мы ихъ не вызываемъ для воспитанія нашихъ дѣтей, да и сдѣлать сего нельзя: вызываютъ только извѣстныхъ людей. Однимъ Государямъ сіе возможно, и то не всегда. Но

мленная уткою останется курицею, и не пойдетъ за нею въ воду; но руской, воспитанной Французомъ, всегда будетъ больше Французъ, нежели руской. (стран. 353). Здѣсь также усердное желаніе, чтобъ мы любили свое отечество,

---

какой извѣстной человѣкъ, какой Аламбертъ, или Руссо, оставя отечество свое, поѣдетъ въ Калугу, въ Осташковъ, въ Тверь, въ Олонецъ, воспитывать дворянскаго сына, за которымъ всего имѣнія полтараста душъ? — Естьли издатель Меркурія подъ словомъ *вызвали* разумѣетъ времена ПЕТРА ВЕЛИКАГО, когда иностранцы приглашаемы были въ Россію, то и тогда вызывались кора..льные мастера, хлѣбопашцы, художники, а не учители для воспитанія нашихъ дѣтей. Наконецъ скажу и то, что естьлибъ, вѣря чудесамъ, и положить, что изъ пріѣзжающихъ сюда Французовъ, обирающихъ насъ и послѣ ругающихъ въ книгахъ своихъ, всѣ безъизъятія суть люди добропорядочные и разумные, то и тогда не желалъ бы я, чтобъ тотъ народъ, въ которомъ толикое растлѣніе нравовъ и разрушеніе всѣхъ добродѣтелей оказалось, былъ воспитателемъ и наставникомъ нашимъ. Сожалѣю, что я сими чувствами моими прогнѣвляю издателя Московскаго Меркурія, но осмѣливаюсь его увѣрить, что я для него оныхъ не перемѣню.

гордились именемъ Россіянина, и влагали бы чувства сіи въ дѣтей нашихъ, не есть преступленіе. Ну, господинъ Меркурій! приведите теперь всѣ мои разсужденія въ систему, и скажите, та ли она, какою вы показать ее хотите. Какъ! кто совѣтуетъ перенимать у другихъ народовъ одно токмо полезное и доброе, а не легкомысленное и безполезное; кто желаетъ, чтобъ въ отечествѣ его было меньше простаковыхъ и вральмановъ; кто говоритъ, что надобно любить свою землю больше, нежели чужую: тотъ по вашему презираетъ науки и хочетъ просвѣщеніе обратить въ невѣжество? Государь мой! позволено критиковать, но позволено ли клеветать? Не похожи ли здѣсь заключенія ваши о моей книгѣ на тѣ, какія Буало приписываетъ Котеню:

> Qui méprise Cotin, n'estime point son Roi, et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Вы называете нѣкоторыя мои выраженія жостскими, но чорныя намѣренія лучше ли жосткихъ словъ? Посмотримъ теперь вашу систему. Вы говоря о книгѣ моей спрашиваете: *не уже ли сочинитель для удобнѣйшаго возстановленія старинного языка, хочетъ возвратить насъ*

и къ обычаямъ и къ понятіямъ старинным??.... *Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли.* --- Государь мой! естьли вы не смѣете, такъ я смѣю остановиться здѣсь и разсмотрѣть вашу мысль. По чему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать объ нихъ безъ крайняго отвращенія? Нравы и обычаи во всякомъ народѣ бываютъ трояказо рода: добрые, худые и невинные, то есть ни худа ни добра въ себѣ не заключающіе. Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали Царей и законы: свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицыны, Минины, Долгорукіе, и множество другихъ. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, безкорыстіе, вѣрность, гостепріимство, и иныя многія достоинства ихъ украшали. Одно сіе изрѣченіе: *а кто измѣнитъ или нарушитъ данное слово, тому да будетъ стыдно*, показываетъ уже каковы были ихъ нравы. А гдѣ нравы честны, тамъ и обычаи добры. Чтожъ въ предкахъ нашихъ было худаго, и

чемъ докажете вы, что другіе народы были ихъ лучше? Буде же мы за худость обычаевъ ихъ возмемъ, что они не все то знали, что мы нынѣ знаемъ, такъ во первыхъ ето не ихъ вина: время на время не походитъ; а во вторыхъ, просвѣщеніе не въ томъ состоитъ, чтобъ напудренной сынъ смѣялся надъ отцемъ своимъ не напудреннымъ. Мы не для того обрили бороды, чтобъ презирать тѣхъ, которые ходили прежде или ходятъ еще и нынѣ съ бородами; не для того надѣли короткое нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились танцовать миноветы; но за что же насмѣхаться намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, питающихъ насъ своими трудами? Они такъ точно пляшутъ, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣть Италіянскія аріи, возненавидѣть подблюдныя пѣсни? Должны ли о святой недѣли изломать всѣ лубки для того только, что въ Парижѣ не катаютъ яицами? Просвѣщеніе велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ ѣдучи въ каретѣ

гнушаться телегою. Напротивъ, оно соглашаясь съ естествомъ раждаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ бездушнымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами. Въ чемъ состоитъ любовь къ отечеству? Послушаемъ въ Метастазіевой оперѣ Фемистоклова отвѣта на сей вопросъ:

Фемистоклъ полководецъ Афинскій, ратуя противъ Персидскаго Царя Ксеркса оказалъ великія отечеству заслуги; наслаждался въ немъ славою; но напослѣдокъ коварствами злодѣевъ своихъ изгнанъ былъ изъ онаго. Скитающійся и не имѣющій никакова пристанища, прибѣгаетъ онъ къ непріятелю своему Царю Персидскому. Великодушный Ксерксъ пріемлетъ его, забываетъ прежнюю вражду, поручаетъ ему всѣ свои войска, и пылая еще гнѣвомъ противъ Аѳинъ: повелѣваетъ ему — разорить ихъ. Фемистоклъ, услыша сіе, повергаетъ жезлъ повелительства къ стопамъ его, и отрицается идти противъ отечества. Тогда разгнѣванный Ксерксъ, напоминая ему о неблагодарности Аѳинъ, и о своихъ благодѣяніяхъ, спрашиваетъ, что такое любитъ

онъ столько въ отечествѣ своемъ? Фемистоклъ отвѣчаетъ:

Tutto, signor, le ceneri degli Avi,
Le sacre leggi, i tutelari Numi,
La favella, i costumi,
Il sudor che mi costa,
Lo splendor che ne trassi,
L'aria, i tronchi, il terreu, le mura, i sassi.

Переведемъ сіи божественные стихи; они потеряютъ красоту, но намъ нуженъ токмо смыслъ оныхъ.

„Все, государь, прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей боговъ, языкъ, обычаи, потъ мною для него пролiянный, слава отъ того полученная, воздухъ, деревья, земля, стѣны, каменья."

Съ таковыми чувствами Фемистоклъ безсомнѣнія, прочитавъ книгу мою, не сказалъ бы обо мнѣ: *не ужъ ли для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ онъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ??..... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли.*" Господинъ Меркурій! вы образомъ мыслей своихъ худо оправдываете Французское воспитаніе.

Послѣ сего вопроса, въ другомъ мѣстѣ (на стран. 185) издатель Меркурія въ такомъ же точно разумѣ продолжаетъ:

Господинъ сочинитель воленъ думать, какъ ему угодно; — (благоразумный читатель видитъ, какъ я думаю: образъ мыслей моихъ сходенъ съ образомъ мыслей Фемистокловыхъ, а не съ образомъ мыслей Московскаго Меркурія). *Что касается до насъ, мы не хотимъ бросить иностранныхъ книгъ!* — (никто васъ объ етомъ не проситъ). *Не хотимъ возвратиться къ прежнему слогу, ибо совершенно увѣрены въ преимуществѣ нынѣшняго* — (мнѣ мало отъ етова будетъ потери, что вы станете писать худо; однако сія самая ваша критика уже показываетъ, что вы остереглись отъ употребленія тѣхъ странныхъ выраженій и словъ, надъ которыми я въ книгѣ моей смѣюсь: слѣдовательно противъ воли вашей возвращаетесь). *Не хотимъ возвратиться къ обычаямъ прародительскимъ; ибо находимъ, что вопреки напраснымъ жалобамъ строгихъ людей, нравы становятся ежедневно лучше.* — (можетъ быть, хотя ето и трудно доказать. *Ежедневную* перемѣну нравовъ не скоро примѣтишь. Возвращаться же къ прародительскимъ обычаямъ нѣтъ никакой нужды, однако ненавидѣть ихъ не должно. Всякое время и всякое состояніе людей имѣетъ свои обычаи: прежде на охоту ѣзжали съ соколами, а нынѣ ѣз-

дять съ собаками; купецъ ходитъ въ длинномъ кафтанѣ, а дворянинъ въ короткомъ; купецкая жена любитъ баню, а знатная госпожа ванну. Пускай всякой дѣлаетъ по своему, но не должно презирать ни дворянину купецкихъ обычаевъ, ни купцу дворянскихъ). *Благодаримъ виновниковъ просвѣщенія нашего: благодаримъ ВЕЛИКАГО ПЕТРА, что онъ принудилъ насъ украшаться знаніями!* — (знаніями, а не заимствованіемъ пустыхъ вещей и пороковъ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ желалъ науки преселить въ Россію, но не желалъ изъ Россіянъ сдѣлать Голландцевъ, Нѣмцовъ, или Французовъ; не желалъ рускихъ сдѣлать не рускими). *Благодаримъ ВЕЛИКУЮ ЕКАТЕРИНУ, что она принудила Европу имѣть почтеніе къ имени рускому!* — (ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА мудростію правленія своего распространила, возвеличила, прославила, украсила, просвѣтила Россію; но мудрость не отторгала ее отъ отечества: она любила рускую землю, руской народъ, руской языкъ, рускіе обычаи. Сама ходила въ рускомъ платьѣ. Сама сочиняла великолѣпныя зрѣлища, представляющія древнія рускія обыкновенія. Сама въ извѣстныя времена въ чертогахъ своихъ учреждала рускія игры, не столько для соб-

ственнаго увеселенія своего, сколько для показанія народу своему, что она любя его, любитъ и всѣ, даже и самыя простыя забавы его и обряды). *И желаемъ только, чтобы парка долѣе пряла драгоцѣнную нить щастливыхъ и мирныхъ дней нашего Покровителя наукъ АЛЕКСАНДРА I.* — (Кто объ отечествѣ своемъ думаетъ, какъ думалъ Фемистоклъ, тотъ въ чувствахъ своихъ и въ благоговѣніи къ нашему Покровителю наукъ АЛЕКСАНДРУ, не уступитъ издателю Московскаго Меркурія).

Поспѣшимъ прекратить скуку читателя и свою собственную: пропустимъ такія мѣста, которыя паче достойны усмѣшки, нежели опроверженія. Окончимъ. Издатель Меркурія при концѣ возраженій своихъ на книгу мою говоритъ:

„*Впрочемъ нѣкоторыя замѣчанія сочинителя довольно справедливы.* — Какія же? стараясь оклеветать меня, насказавъ столько худова обо мнѣ, господинъ Меркурій, для показанія безпристрастія своего начинаетъ теперь меня хвалить! Какое простое лукавство! такимъ образомъ дѣти спрятавшись въ уголъ и закрывъ руками лице свое, думаютъ, что ни-

кто ихъ не видитъ). *И даже слогъ его вообще можно назвать жесткимъ, а не дурнымъ.* — (я тогда доволенъ буду слогомъ моимъ, когда хорошіе и справедливые писатели его похвалятъ). *Примѣтно, что онъ дѣйствительно занимался чтеніемъ нашихъ старинныхъ книгъ* --- (у иныхъ значило бы сіе похвалу, но у господъ Меркуріевъ значитъ ето насмѣшку). *Естьли бы не вооружался напрасно противъ французскаго языка* --- (вооружаться противу тѣхъ, которые чужой языкъ лучше знаютъ чемъ свой, не есть вооружаться противъ французскаго языка). *Естьли бы не огорчалъ здѣшнихъ учителей иностранцевъ* --- (миліоны учителей, миліоны Меркуріевъ, миліоны браней ихъ, не погасятъ во мнѣ желанія въ любезныхъ соотечественникахъ моихъ видѣть истинныхъ Россіянъ). *А особливо противъ рускихъ писателей.* — (Къ тѣмъ рускимъ писателямъ, которые трудами своими приносятъ намъ пользу и себѣ дѣлаютъ честь, имѣю я великое почтеніе; а которые портятъ языкъ свой, или развращаютъ нравы, или едва зная грамотѣ выдаютъ себя судіями въ словесности, или достаютъ себѣ хлѣбъ ремесломъ Зоиловъ, къ такимъ писателямъ не имѣю я никакова почтенія, и нигдѣ ихъ

не почитаютъ). (*) *Естьли бы не подозрѣвалъ насъ въ раждающейся ненависти къ своему отечеству.* — (что разумѣетъ здѣсь господинъ Меркурій подъ словомъ *насъ*? по етому когда я скажу: *рускіе всею душею прилѣпленные къ чужимъ землямъ, и не любящіе своего отечества, не достойны носить на себѣ имени Россіянина*, тогда онъ вступится за ето, и скажетъ: за чемъ ты *насъ* бранишь)? *Естьли бы не утверждалъ превосходства древняго слога предъ новымъ.* (Господинъ Меркурій самъ не знаетъ чего отъ меня требуетъ. Хорошая книга всегда хороша, древнимъ ли слогомъ написана она, или новымъ. Не о нарѣчіи дѣло идетъ, о разумѣ, о силѣ языка. Я въ книгѣ моей многими разсужденіями, толкованіями, примѣрами, тѣмъ болѣе объясняющимися, чемъ далѣе читаешъ оную, показалъ, какое богатство мыслей и словъ заключается въ Славенскомъ нашемъ языкѣ, и какая невразумительность и нелѣпица въ нынѣшнемъ

(*) Буало говоритъ объ нихъ:

Il n'eſt valet d'auteur, ni copiſte, à Paris,
Qui la balance en main, ne pese les ecris;
Dès que l'impression fait éclore un poëte,
Il eſt esclave né de quiquonque l'achête.

*

чужеязычіи, почерпаемомъ изъ книгъ французскихъ. Кто хочетъ противное моему мнѣнію утверждать, тому должно такимъ же образомъ распространиться о семъ, и также ясно вывести, въ чемъ состоитъ красота и преимущество сего новаго чужеязычія предъ старымъ языкомъ. Когда онъ подобными же объясненіями и примѣрами докажетъ ето, тогда всякой съ нимъ согласится; но естьли всѣ доказательства его состоять будутъ только въ сихъ словахъ: *мы не хотимъ возвратиться къ старому слогу, ибо совершенно увѣрены въ преимуществѣ нынѣшняго; мы хотимъ сочинять фразы, хотимъ производить слова.* — то какъ могло ему помѣститься въ голову, что читатель такому пустому возраженію его долженъ больше повѣрить, нежели всѣмъ яснымъ доводамъ другаго? Долговременные труды, имѣющіе предмѣтомъ своимъ общую пользу, не такимъ образомъ разсматриваются: искуство долженствуетъ ихъ судить устами истины; но когда господинъ Меркурій, вмѣсто всѣхъ доказательствъ кричитъ только: *онъ не лѣпицу утверждаетъ! онъ одинъ! насъ много!* то таковое книгосужденіе не естьли знакъ удивительной

дерзости и не уваженія къ читателямъ? (*Естьли бы онъ сообщилъ нѣкоторыя правила для языка, другимъ еще неизвѣстныя, и найденныя долговременнымъ его прилѣжаніемъ: то получилъ бы истинныя права на благодарность.* (Я тогда отчаюсь въ благодарности, когда всѣ мои читатели будутъ Меркуріи). *Но господинъ сочинитель давъ свободу патріотической своей ревности, забывъ, что написанное въ кабинетѣ должно его же волею явиться въ публикѣ* — (Господинъ Меркурій противъ воли своей отдаетъ мнѣ здѣсь справедливость. Конечно такъ: патріотическая ревность, или скажемъ по руски, ревность къ отечеству, побудила меня издать книгу мою. Въ чемъ онъ меня винитъ, я тѣмъ горжусь. Правила мои не согласны съ его наставленіями: мнѣ кажется кто ревность сію обуздываетъ въ себѣ и не даетъ ей свободы, тотъ на языкѣ только имѣетъ ее, а не въ сердцѣ. Какъ? Меркурій думаетъ, что истину, основанную на чувствахъ любви къ отечеству, не въ слухъ говорить, но токмо въ кабинетѣ своемъ бормотать должно! По чему єто? не ужъ ли опасаясь гнѣва писателей Московскихъ Журналовъ? Но гнѣвъ ихъ не есть еще гнѣвъ Юпитеровъ, и судъ ихъ не есть судъ Минервинъ). *Выдалъ*

книгу для иныхъ утомительную, для другихъ огорчительную, и не знаемъ къ чему полезную. (Утомительное Меркурію не всему свѣту утомительно, огорчительное Меркурію не всему свѣту огорчительно, неизвѣстное Меркурію не всему свѣту не извѣстно).

Въ заключеніе критики своей издатель Меркурія говоритъ: *должностію почитаемъ сказать своимъ читателямъ, что въ разсужденіи о новомъ и старомъ слогѣ Россійскаго языка, мы не нашли ни одной фразы изъ нашего журнала.*

Въ заключеніе сихъ примѣчаній своихъ и сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, должностію почитаетъ сказать читателямъ своимъ, что онъ въ то время, когда писалъ свою книгу, не только Журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ; но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ.

Конецъ.

